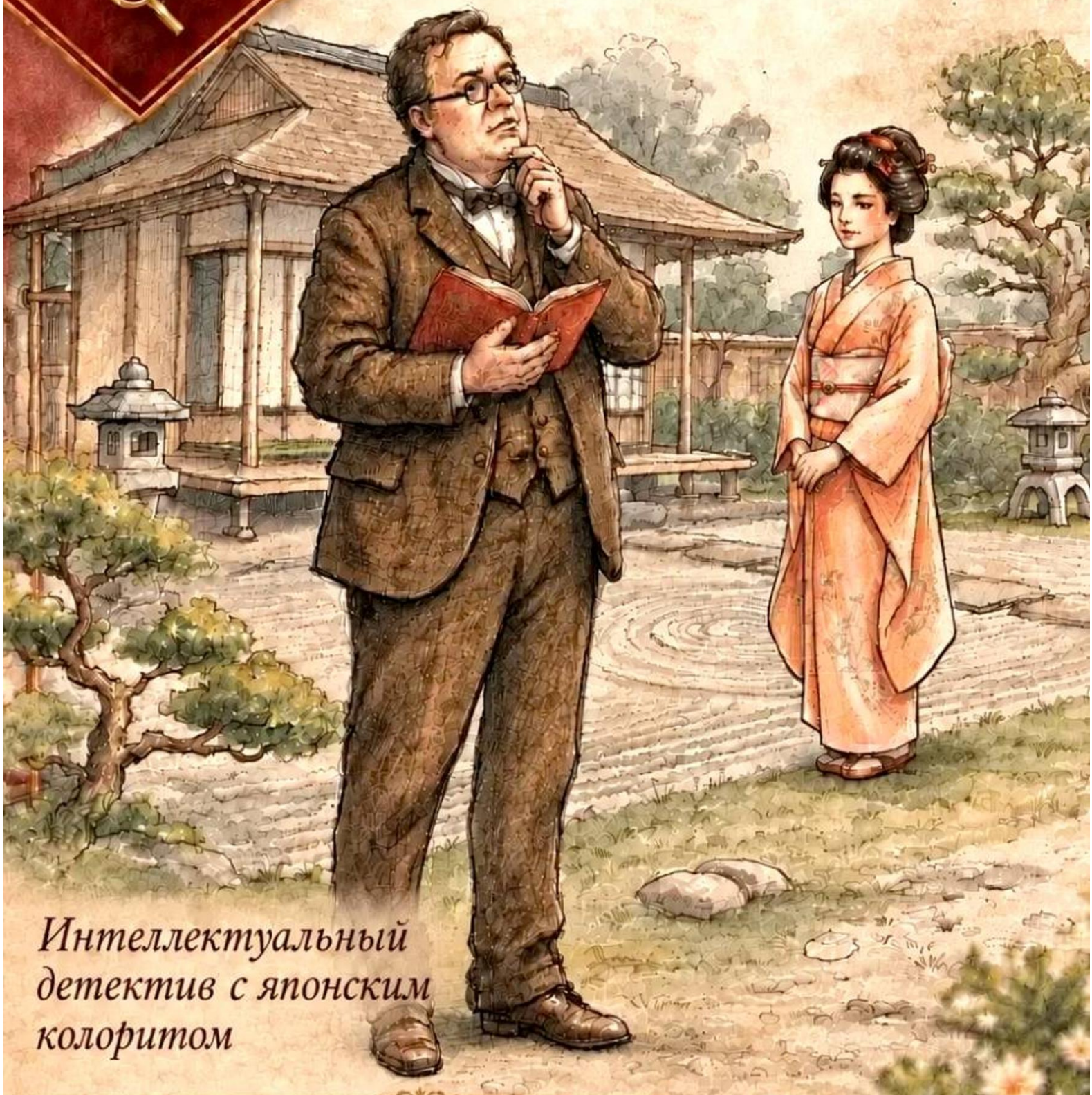
Преступление как искусство

Мирослава Чайка

Порядочный психопат

Интеллектуальный детектив с японским колоритом

Преступление как искусство

Мирослава Чайка

Порядочный психопат

«Автор»
2026

Чайка М.

Порядочный психопат / М. Чайка — «Автор», 2026 — (Преступление как искусство)

В каждом маленьком посёлке есть жуткий дом на окраине, от которого все стараются держаться подальше. И в этом доме живёт тихий, очень подозрительный музейный хранитель, вокруг которого происходят странные и пугающие события. И этот человек - я. Феликс Строганов.Недавно рядом со мной поселился сыщик - эмпат и тонкий психолог, человек, безошибочно считывающий чужую ложь и боль. Но куда опаснее не он, а она – моя первая любовь, внезапно вернувшаяся в мою жизнь. Интересно, кто-то из них сможет меня остановить?Вас ждёт новое дело Марата Чадова. Дневники японской принцессы, проклятый бриллиант и тайные знаки, которые слишком изящны, чтобы быть случайными. Чем дальше, тем страшнее. Кто-то ведёт его к ритуалу, где во имя возмездия совершится преступление. Но кто в опасности? И как остановить преступника, который не прячется в тени, а ждёт, когда ты сам подойдёшь к чаше. Чаше справедливости.

© Чайка М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 15
Глава 3 21
Глава 4 28
Глава 5 36
Глава 6 42
Глава 7 50
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Мирослава Чайка
Порядочный психопат

Как же это, друзья?
Человек глядит на вишни в цвету,
А на поясе длинный меч!
Кёрай (1694г.)

Глава 1

Первым Феликс услышал скрип стульев, сухой, раздражающий звук, который мгновенно выдал напряжение в зале. Только потом он поднял взгляд и увидел высокие окна, заляпанные мухами, тусклый питерский свет и потёртый паркет, исчерченный следами чужих каблуков. Зал суда напоминал лекционный амфитеатр провинциального университета, где вот-вот должна была начаться скучная лекция.

И все же это был не университет. Публики почти не было. Прессу с камерами, микрофонами и жадными до сенсаций вопросами не пустили внутрь, а сослуживцы Феликса и родственники пострадавших теснились в коридоре. И всё же дело Феликса Строгонова вызвало немыслимый ажиотаж, не столько из-за чудовищности преступления, сколько из-за личности обвиняемого.

Преступником оказался человек науки. Поэтому общество отказывалось верить в случайность, вспышку безумия или в что-то простое. Все были уверены: в действиях Феликса скрывался изощрённый замысел, сложная, почти гениальная логика, которую следствию уже удалось разгадать. Теперь общественности предстояло услышать официальную версию произошедшего.

Сам Феликс сидел в стеклянной клетке для подсудимых, похожей на аквариум. Он был в чистой, но мешковатой одежде и смотрел куда-то в пространство перед собой с тем же отрешенным, почти научным интересом, с каким, должно быть, рассматривал узоры на рукоятках самурайских мечей своей коллекции. Казалось, происходящее его мало волновало. Он был всего лишь зрителем, и притом достаточно отрешенным, в этом медлительном и тягучем спектакле.

Судья – человек с усталым лицом и голосом, в котором не осталось ни капли эмоций, поднялся, чтобы зачитать приговор. Его мантия лежала на нем не складками достоинства, а тяжелым, неудобным грузом. Чтение было монотонным, как бубнеж плохого лектора. Он перечислял статьи, улики, выводы судебно-психиатрической экспертизы. Слова «тяжкие телесные повреждения», «лишение жизни», «состояние невменяемости» падали в гробовую тишину зала, как капли воды в глубокий колодец.

Феликс слушал, слегка склонив голову набок, словно пытаясь разобрать отдаленный, едва слышный звук. Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда судья, наконец, дошел до сути:

— На основании изложенного… суд признал Феликса Строгонова невменяемым, поскольку в основе его действий лежала сверхценная идея…

«Сверхценная идея. Так они это назвали», — Феликс ниже склонил голову, формулировка ему даже понравилась. Точнее, чем он ожидал.

— Осуждается на принудительные меры медицинского характера в виде помещения в специализированный психиатрический стационар с интенсивным наблюдением… на неопределенный срок, то есть пожизненно.

Слово «пожизненно» повисло в воздухе, тяжелое и окончательное.

Для любого другого оно прозвучало бы как удар молота. Для Феликса оно, казалось, не значило ровным счетом ничего. Он медленно перевел взгляд на судью, и в его глазах на мгновение мелькнуло нечто, что можно было принять за легкое недоумение, будто он услышал нелогичный вывод в сложной математической задаче. Затем взгляд снова стал пустым и устремленным в никуда.

Окружающим, должно быть, казалось, что Феликс не чувствует ровным счетом ничего. Его лицо, это застывшее поле после битвы, не выдавало ни единой эмоции. Он сидел с прямой спиной, и его руки лежали на коленях с тем неестественным спокойствием, какое бывает у манекена в витрине. Но видимость, как это часто и случается, была обманчива.

На самом же деле, его охватило острое, почти физическое чувство досады, переходящей в унижение. Он был не просто огорчен, он чувствовал себя раздавленным, как букашка под каблуком сапога. Он мысленно уже приготовился к расстрелу. По его логике, это была бы быстрая, почти благородная развязка. А вместо этого — лечебница. Психиатрическая клиника. Это звучало как насмешка, как позорное клеймо безумия, которым метят тех, кто не в силах отвечать за свои поступки.

«Итак, предстоит исправлять положение, — пронеслось в его голове с холодной ясностью. — Суд вынес свой вердикт, но это еще не конец».

В его мире, мире самурайских кодексов и железной чести, который он для себя выстроил, единственным достойным выходом было сэппуку. Будь этот суд тремя веками ранее, его бы осудили именно на это. Так же, как когда-то осудили сорок семь ронинов. Не на тюрьму и уж тем более не на больницу, а на смерть, вернувшую им их честь.

«Ничего, — мысленно сказал он себе с новой, пугающей решимостью. — Я смогу это сделать и в лечебнице. Улучу момент, найду способ. Главное уже свершилось: я отомстил».

В этот миг, глядя в абсолютно спокойное, почти каменное лицо Феликса, никто не мог и предположить, что за этой маской безразличия зреет новый, тщательно продуманный план, план самоуничтожения, который он считал своим последним долгом и высшим проявлением своей искаженной воли.

***

Годом ранее

Лера выскочила из подземки на сырой питерский воздух, резко и бесцеремонно расталкивая встречных прохожих. Сорвавшееся с губ механическое «извините» терялось в гулком потоке людского прилива. Она мчалась в Музей восточного искусства — место, доселе неведомое ей, как затерянные долины Тибета.

Если начистоту, музеи вообще не входили в круг ее добровольного досуга. Последним, что она смутно припоминала, была какая-то модная выставка «Упакованные грезы», посвященная эпохе ар-деко. И вот теперь ее ожидало что-то совсем сложное и непонятное, с замысловатым названием: «Тушь и шелк: Журавли над Фудзи», где, судя по анонсу, царили какие-то Суми-э, Ямато-э. Что это за звери такие, Лера не имела ни малейшего представления.

Утром раздался звонок главного редактора. Голос в трубке был ровным и безапелляционным: коллега свалилась с температурой, и Лере надлежало немедленно заменить ее на открытии выставки.

— Я не смогу, — возмутилась Лера, — это не моя тема. Я совсем не разбираюсь в японском искусстве. Я рассказываю людям о биржах и курсах валют.

— Вы, Валерия, видимо, не поняли, — послышались в ответ холодные, отчеканенные нотки. — Это не просьба. Вы должны выполнить задание канала. И всё. Полагаю, в вашем положении противиться не стоит.

«В вашем положении…» — нервно бормотала она про себя, подбегая к монументальному фасаду музея. — Боже правый, где здесь вход?»

Вбежала через служебный подъезд. Внутри уже все гремело.

Открытие началось. В высоком, светлом зале царила не музейная суета: люди сновали между витринами, яркий свет софитов выхватывал из полумрака лица директора музея и приглашённых гостей, исполненные значимости. Камеры рыскали по залу, выискивая крупные планы. Съёмочная группа была на месте.

Лера ещё не отдышалась, как к ней подскочила юная помощница и сунула в руку увесистый микрофон с блестящей эмблемой канала. Оператор, крупный мужчина с усталым и абсолютно бесстрастным лицом, посмотрел на неё и едва заметно кивнул: «Начинай».

В этот миг Лера почувствовала себя не журналисткой, а актрисой, вытолкнутой на сцену без знания текста, в чужой и абсолютно нелепой для нее роли.

Сюжет получался до жути куцым. Лера отдавала себе в этом отчет, осознавая собственную некомпетентность. Она металась перед камерой, не зная, что говорить, как связать воедино доспехи, чайные чашки и свитки с иероглифами. Ее комментарии висели в воздухе неуклюжими, ничего не значащими фразами, и она ловила на себе снисходительный взгляд оператора.

Когда последний, безжизненный кадр был наконец снят, Леру охватило острое желание исправить положение, или, по крайней мере, создать видимость деятельности. Ее взгляд упал на куратора выставки. Это был молодой мужчина, с не по годам серьезным, угрюмым лицом. Произнеся на открытии несколько заученно-красивых фраз голосом, лишенным всякой теплоты, он немедленно растворился в тени колоннады, словно ища спасения от назойливых взглядов. И сейчас стоял поодаль, высокий, плотно сбитый, напоминающий библейского Голиафа, застывшего в раздумьях перед боем.

Лицо его казалось Лере смутно знакомым, и это ощущение щемило где-то на дне памяти. Она перебирала в уме университетские коридоры, светские рауты, случайные встречи, но тщетно, образ упорно не желал обретать четкие очертания.

Ее сомнения длились несколько мгновений. Но обстоятельства оказалось сильнее страха быть отвергнутой. Сделав вдох, она выдавила из себя самую обезоруживающую улыбку, ту, что пряталась в ямочках на щеках, и протянув руку с микрофоном попросила об интервью: «Я не буду вас долго мучить».

Он кивнул с видимой неохотой, и когда она, по профессиональной привычке, попросила его представиться, он произнес четко и сухо:

— Кандидат искусствоведения, хранитель коллекции японского искусства, Феликс Строгонов.

Услышав это имя, Лера остолбенела. Внутри у нее все оборвалось и похолодело.

«Вот черт, это же Феликс, — стремительно пронеслось в голове, пока внешнее выражение ее лица старалось сохранить учтивую неподвижность. — Надеюсь, он меня не узнал. Прошло больше десяти лет. А если узнал?»

И в ту же секунду она поймала его пристальный, тяжелый взгляд.

На удивление во время интервью Феликс красноречиво в красках стал рассказывать про Японию. И Лере не пришлось высасывать из пальца вопросы. Он с удовольствием говорил, слегка запрокинув голову, смотрел куда-то вдаль, как бы вспоминая не сухие факты, а живой образ:

«Представьте себе сад. Не пышный и яркий, а строгий, где каждый камень и поток воды полны смысла. Это — японская цивилизация. Всё здесь строилось на трёх столпах.

Первый. Гармония с природой. Люди не властвуют над ней, а её часть. Хрупкость цветущей сакуры, тишина заснеженной горы — это не просто пейзаж, это состояние души. Японская религия, синтоизм, видит душу в водопаде и камне.

Второй. Умение заимствовать и делать своим. Японцы взяли у Китая иероглифы, буддизм, архитектуру... но пропустили через собственный вкус. Так родилась уникальная культура: сдержанная простота дзена, изысканная грусть, где один жест говорит больше тысячи слов.

И третий столп. Верность долгу и кодексу чести. Чувство долга, «гири», часто важнее личного желания. Это дух самурая, для которого верность и достоинство дороже жизни.

Вот вам и вся Япония. Не империя, а сад. Где сила — в хрупкости, а глубина — в молчании».

Интервью было закончено, а вместе с ним иссякли и силы. Лера наблюдала, как съемочная группа упаковывает оборудование, и понимала, что не выдержит поездки обратно в офис. Под прицелом любопытных взглядов коллег, в душной машине, где каждый ее вздох будет на счету. Поскольку, все уже знают, что ее присутствие на канале висит на волоске. Нет уж. Ей нужно было пространство, чтобы расслабиться и осмыслить тот хаос, в который превратилась ее жизнь.

Утренний разговор с главным редактором звенел в ушах, как набат. Его слова «в вашем положении выбирать не приходится» были не советом, а приговором. Она прекрасно понимала, откуда дует ветер. Этот новый экономический аналитик, звезда с дипломом престижного вуза и связями, был на две головы выше. Умнее и опытнее, а главное до неприличия уверенный в себе. И если ее попросят освободить место, билет в Витебск станет единственным вариантом.

Мысль об этом сжимала сердце ледяными пальцами. Петербург стал ее домом. Город, где она провела свои лучшие студенческие годы, нашла друзей, построила жизнь. Она уже даже начала откладывать деньги на первый взнос для ипотеки, с трепетом глядя на объявления о квартирах в спальных районах. И все это теперь висело на волоске.

— Семеныч, — ее голос прозвучал чуть хрипло, и она сделала глоток воздуха, — поезжайте без меня. Я должна уладить еще кое-какие дела. — Обратилась она к оператору, старому, молчаливому профессионалу, с которым их давно связала общая участь «неудачников» канала. Его, как и ее, отправляли на второстепенные задания. Ему, пенсионеру, приходилось доказывать свою нужность так же, как и ей, вечной стажерке в мире серьезных новостей.

Семеныч медленно кивнул, его спокойный взгляд, казалось, видел ее насквозь. Он все понимал без лишних слов.

— Хорошо. Весь материал скину на почту. Надеюсь, к вечерним новостям успеем что-нибудь слепить.

— Успеем, — Лера заставила себя улыбнуться, вкладывая в голос непоколебимую уверенность, которой не чувствовала. — Передай шефу, пусть не волнуется. Все будет в порядке.

И пока машина с эмблемой канала, выкатываясь с парковки, застыла у шлагбаума, она осталась одна на музейной ступеньке. И тишина, нахлынувшая на нее, была полна не обещанного покоя, а тревожного гула будущего. Нужно было срочно придумать, как спасти то, что осталось от ее петербургской мечты, такой же зыбкой, как туман над Невой.

Вдруг низкий голос прервал ее размышления:

— Что, опоздали? Хотите, я их догоню?

Лера, не оборачиваясь, узнала голос Феликса и тяжело вздохнула. Этот день, казалось, был создан для того, чтобы испытывать ее на прочность.

— Нет, спасибо. Я просто хотела пройтись.

— Есть над чем подумать? — промолвил он, обматывая вокруг шеи длинный шарф. По его интонации было невозможно понять, это вопрос или просто констатация факта.

Лера посмотрела на него, не зная, что ответить, и невольная улыбка тронула ее губы. Он походил на крепкого малыша-переростка. Его серое шерстяное пальто было ему маловато, отчего руки плохо прилегали к мощному телу. Застегнутое на все пуговицы, с туго намотанным шарфом, оно делало его похожим на человека, отчаянно берегущего свое нездоровое горло, что выглядело одновременно и трогательно, и нелепо.

Они вместе молча пошли через площадь. Внезапно начал накрапывать дождь. Крупные, тяжелые капли были привычны для этого северного города. Лера открыла сумочку в поисках зонта и, не обнаружив его, с обреченностью подняла воротник чуть устаревшего тренча.

— А знаете, если дождь ломает ваши планы, — сказал Феликс, — то можно сесть на 34-й троллейбус. Он идет через весь центр, а потом до Кировского района и обратно. Если сесть у окна, это путешествие вполне заменит пешую прогулку.

Они ускорили шаг и укрылись под прозрачной крышей остановки. И когда подошел троллейбус, Феликс, уступая ей дорогу, уверенно шагнул за ней следом. Лера удивленно подняла брови, а он поспешил оправдаться:

— Тридцать четвертый идет прямо к моему дому.

И в этом была странная, почти детская логика — спасаться от дождя и одиночества в долгом, бесцельном путешествии на троллейбусе, где можно просто сидеть и молча смотреть на плывущий мимо город, чувствуя рядом случайного и внезапно необходимого попутчика.

Устроившись у окна, Лера тщетно пыталась вернуться к своим тревожным мыслям о работе. Феликс, хоть и не сел рядом, стоял так близко, что его присутствие ощущалось физически, как магнитное поле, сбивающее все внутренние компасы. Мысли против воли поплыли в другую сторону, и перед ней возникли картины прошлого.

Ей шестнадцать, и за какую-то общественную работу ее наградили путевкой в «Артек». То было волшебное, беззаботное время, настоящая юность, хоть на дворе и стояла зима. Если до обеда еще приходилось изображать внимание в артековской школе, то после, жизнь накалялась до предела.

Ребята, приехавшие в Артек, были не просто шумными и веселыми, они фонтанировали идеями и кипели азартом. Все, кроме Феликса Строгонова, конечно, который попал туда как победитель всероссийской олимпиады по истории. Он всегда сидел где-то в углу с книгой или, с невозмутимым видом, кормил на берегу чаек хлебными корками...

Троллейбус мягко качнулся, въезжая на Комсомольскую площадь. Лера взглянула в окно. Это было одно из тех мест в городе, куда она забиралась редко, но которое почему-то очень любила. Дома в стиле сталинского ампира выгибались здесь широкой дугой, словно застывшая театральная декорация для чьей-то грандиозной и немного печальной жизни. Она перевела взгляд на Феликса, и щеки ее предательски вспыхнули. «Ах, тот дурацкий спор в Артеке... Неужели он меня узнал? Прошло же столько лет».

— Я сейчас выхожу, — тихо произнес он, протягивая руку к поручню. — Вот мой дом. Надеюсь, вам понравилась наша выставка и сюжет получится информативным. До свидания.

И тут Лера, внезапно удивленная тем, что он по-прежнему обращается к ней на «вы», сама не помня себя, выпалила:

— А пригласи меня на кофе!

Феликс от неожиданности широко раскрыл глаза и сделал шаг назад, будто от потока ветра.

— У меня нет кофе.

— Ну тогда на чай, — пробормотала она, краснея еще сильнее от мысли, что этот нелепый человек сейчас откажет ей, на глазах у всех пассажиров троллейбуса.

— Да-да, конечно, пойдемте, — заторопился он, заметно потея от неловкости и протягивая руку, чтобы помочь ей сойти, — чая у меня, конечно, тоже нет.

— В смысле, нет чая? — не унималась Лера, чувствуя, как смех побеждает смущение. — А что же у тебя на завтрак? Бутерброд там с маслицем и чаем не пробовал?

— Чаепитие — это особое таинство, — с внезапной серьезностью произнес он, — его нельзя путать с простым приемом пищи.

Лера усмехнулась.

— Я впервые вижу человека, у которого нет чая. Что же ты пьешь?

— Воду. Чай у меня тоже есть, — поправился он, — только не красный, какой пьет большинство.

И в его словах вдруг послышалась та самая, знакомая ей по прошлому, серьезность, за которой, как ей теперь показалось, скрывался целый мир. Такой странный, неудобный и бесконечно притягательный в своей искренности, мир.

Квартира на втором этаже сталинского дома оказалась именно такой, какой Лера ее и представляла. Высокие потолки, лепнина, массивная мебель, дышавшая прошлым, соседствовала с диковинными антикварными вещами. Она замерла в прихожей, не зная, предложит ли он тапочки или можно пройти в туфлях. Эта маленькая неопределенность вдруг показалась ей ужасно важной.

— Проходите, располагайтесь, а я сейчас… — скороговоркой бросил Феликс и, даже не сняв своего тесного пальто, растворился в глубине квартиры.

«Какой странный, — подумала Лера, — будто надеется, что я передумаю и уйду». Она скинула туфли, которые отчаянно сжимали пальцы, и без чьего-либо разрешения надела стоявшие рядом кожаные тапочки.

В гостиной громко тикали напольные часы, а воздух был густым и сладким. Пахло пылью, воском и чем-то еще, неуловимо музейным. У стены стоял добротный стол со стульями, покрытый таким блестящим лаком, что казалось Феликс наносит его по утрам перед выходом на работу. Ее взгляд притянула странная вещь, похожая на ширму, украшенную изысканной росписью и причудливыми фигурками. Она осмелилась и провела рукой по ее идеально ровному краю. Дерево было гладким и теплым.

— Понравилось? — голос Феликса неожиданно прозвучал прямо за спиной.

Она обернулась. Он переоделся в мягкие тапочки и в странный шелковый костюм черного цвета, с вышитой на спине головой дракона.

— Да, — ответила она и еле заметно улыбнулась своими крупными, теплыми губами. — Только не понимаю, зачем эта ширма, если ты живешь один. От кого прячешься?

— Это не ширма, а защитный экран, — поправил Феликс. — Он оберегает от злых духов и неблагоприятных потоков. Обрати внимание, здесь изображены три друга зимы...

— Эти человечки?

— Нет, — снисходительно улыбнулся Феликс. — Сосна, бамбук и слива – три друга холодной зимы, так их называют китайцы, потому что сосна и бамбук остаются зелёными даже в морозы, а слива зацветает раньше всех, когда снег ещё не сошёл. В искусстве это способ сказать о человеке, который не меняет своих убеждений, даже когда вокруг всё рушится.

Лера смотрела на выцветшие контуры сосновой ветки и одинокие цветки сливы. «Не меняет убеждений, даже когда всё рушится», — повторила она. Ей вдруг стало зябко. Как будто Феликс говорил о чём-то, что испытал на себе.

— А тебе не скучно тут одному? — спросила она, желая вернуть разговор в более понятное русло. — Даже питомца нет.

— Почему же? Есть, и не один. Вон там, на окне.

Она подошла к подоконнику, ожидая увидеть кошку или хоть кактус, и невольно вскрикнула. В коробке с высокими бортиками, среди тонких веточек, извивались десятки белесых, мясистых гусениц.

— Фу, это же черви!

— Нет, всего лишь гусеницы тутового шелкопряда, — растерянно развел он руками. — Хочу проследить все этапы образования шелковых нитей. Здесь главное не прозевать и не позволить коконам превратиться в бабочек. Я позже покажу вам гравюру 18 века, Китагавы Утамаро «Ткачество и разведение шелковичных червей», вам должно понравиться, там сплошь женские образы в традиционных одеждах.

«Он держит настоящих червей в гостиной, — с ужасом подумала Лера, не вникая в его слова. — В этой прекрасной, старинной гостиной».

Феликс, наконец, заметил ее испуг и пришел в некоторое замешательство. Чтобы скрыть смущение, он принялся накрывать на стол, беседуя о пустяках, но слова его звучали натянуто и неестественно. На столе появилась миниатюрная менажница, где в хрустальных гнездах покоились грецкие орехи, изюм и фисташки; однако пальцы его так дрожали, что он уронил ложку и едва не опрокинул сахарницу и, наконец, с театральным жестом хлопнул себя по лбу.

— Черт возьми, да у меня же есть вишневый компот! С моего собственного дерева. Мы непременно должны его попробовать. Я как раз берег его для особого момента, и, полагаю, этот момент настал.

И тут Лера все поняла. Вся эта странность, этот драконий халат, эти шелкопряды, не чудачество, а его единственный, неуклюжий способ существования в мире, который, вероятно, пугал его не меньше, чем эти гусеницы, ее. Его волнение было не от ее присутствия, а от страха, что она, как и все, не поймет и уйдет, хлопнув дверью.

А суета Феликса не утихала, и движения его по-прежнему оставались угловатыми. Даже поставив наконец на стол фарфоровый кувшин, он умудрился расплескать компота, и несколько алых капель брызнули на светлую стену рядом со столом, оставив два ярких пятна, удивительно похожих на брызги крови. Этот зловещий, кровавый цвет казался дурным предзнаменованием.

Лера замерла, глядя на эти пятна. А Феликс вдруг побледнел и застыл, уставившись на них с таким ужасом, будто видел не пролитый компот, а нечто куда более реальное и страшное.

— Ничего, сейчас сотрем, — растерянно проговорила Лера, протягивая руку к салфетке.

— Ерунда, — хрипло откликнулся Феликс, придвигая к стене массивную шкатулку, покрытую перламутром в которой хранилось столовое серебро. Теперь пятен было не видно, но напряжение не проходило.

Феликс стоял так близко, что она чувствовала легкое тепло его дыхания, когда он говорил. Но куда сильнее ее смущало выражение его глаз: в них читалась не игра, а глубокая, до одержимости серьезная убежденность в том, что их встреча не случайна. Ей вдруг до боли захотелось положить ему руку на грудь, ощутить под ладонью бешеный стук его сердца и утешить с легкой насмешкой: «Да успокойся ты, ради всего святого, не из-за таких же пустяков волноваться».

— Я схожу, вымою руки, — мягко сказала Лера, стараясь разрядить обстановку. — Где у тебя ванная?

Он, громко проглотил слюну, а затем молча махнул рукой в сторону темного коридора, Лера почему-то передернула плечами чувствуя, как неприятный холодок пробежал по ее спине.

Ванная комната предстала перед ней во всём своем царственном великолепии: просторное помещение с высоким окном, пол, выложенный метлахской плиткой, и громадное круглое зеркало в старой, потускневшей раме, что занимало добрую половину стены над фаянсовой раковиной с медным краном.

«Ну вот же, — подумала она, — вот где истинное наслаждение». Ей представилось, как она каждый вечер погружается в эту массивную чугунную ванну на львиных лапах, утопая в облаках воздушной пены. И тут же, с присущей её уму иронией, она не смогла удержаться от язвительного замечания: «И зачем всё это великолепие такому неповоротливому чудаку, как Феликс? Сомневаюсь, что он ценит подобный комфорт. Вряд ли он нежится здесь, разглядывая гравюры через лупу, — разве что купает в этой роскоши своих драгоценных шелкопрядов».

Мысль эта показалась ей до того забавной, что она едва не рассмеялась вслух. Она уже представила, как перескажет эту сцену своей приятельнице, непременно упомянув о несправедливом распределении земных благ, и они вместе вдоволь посмеются над несовершенством мироздания.

Из гостиной донесся настойчивый звонок телефона. Лера, поддавшись внезапному порыву любопытства, на цыпочках прокралась по темному коридору и замерла у приоткрытой двери, вслушиваясь в невнятный гул голоса.

Разобрать слова звонившего, было трудно, но несколько обрывков долетело до её слуха. Незнакомец говорил о какой-то церемонии, настойчиво приглашая Феликса на некое мероприятие с диковинным названием — Омиаи. Ответ Феликса прозвучал ясно и четко:

«Непременно приду. Я помню наше условие — привести спутницу. Пока никого нет, но я что-нибудь придумаю».

Вот оно. Мысль ударила в голову Леры с ясностью и силой откровения. Этот странный «Омиаи» — её шанс. Если бы ей удалось снять репортаж с такого закрытого мероприятия, редактор, быть может, перестал бы смотреть на неё как на досадную обузу в телевизионной команде.

План сложился мгновенно: ей нужно попасть туда во что бы то ни стало. Но приглашение непременно должно исходить от Феликса; никаких унизительных намёков с её стороны. Таким образом она разом убьёт двух зайцев: обеспечит себе материал и, кто знает, возможно, проложит путь в этот шикарный дом с его королевской ванной. Мысль о том, чтобы навсегда покинуть свою убогую каморку, которую она с горькой иронией величала квартирой, была слишком соблазнительной, чтобы упустить такую возможность.

Глава 2

Вернувшись в телестудию, где царила привычная суета, приближающая вечерний эфир. Лера должна была, как можно скорее, довести до финальной точки свой репортаж. Однако, минуя кабинет Семеныча, она свернула в небольшую гримерную. Это было царство её подруги, Маши Сомовой, гримерши с мизерным стажем и колоссальным талантом.

— Машуль, ты не представляешь, что сейчас случилось! — слова срывались с её губ торопливой скороговоркой, а руки взлетали в воздух, будто расставляя вокруг невидимые восклицательные знаки. — Это план. Идеальный план спасения! Налей кофе, и я все расскажу.

Маша, высокая и худая как жердь в джинсовом комбинезоне, встретила ее поцелуями в щеки.

— Лерка, да тебя уже всем отделом ищут! Где пропадала?

— Со мной случилось чудо, — выдохнула Лера. — В том скучном музее я встретила парня, с которым была в Артеке, сто лет назад. Я его даже не узнала сначала. Пока он не назвался. Его зовут Феликс. Вот у тебя был когда-нибудь знакомый по имени Феликс?

— Феликс? — Маша фыркнула. — Серьезно? Ну что, этот твой Феликс теперь большой босс и предлагает тебе свое шоу?

— Нет конечно, это даже звучит, как сказка. — Лера собрала свои белые словно песок, волосы, стянула их резинкой и с наслаждением прикрыла глаза, сделав глоток кофе. Он был крепким и горьким, именно таким, как ей сейчас было нужно.

— Представляешь, у него дома нет кофе.

— Как можно жить без кофе? — рассмеялась Маша.

— Зато у него есть вишневое дерево. — Лера поднялась и направилась к двери. — Маш, это ж уровень! Квартира шикарная, плюс, если есть дерево, значит и дом за городом. А еще он разводит каких-то червей... шелкопрядов.

— Стоп. Червей? Ты вообще в порядке?

— Неважно. Его пригласили на одну закрытую церемонию, и я пойду с ним. Сниму материал, который взорвет эфир. Может, это мой шанс на собственную программу «Тайная жизнь элиты» или что-то вроде того.

— Он уже позвал тебя? — спросила Маша с улыбкой, в которой читалось любопытство и легкое неверие.

— Нет, но он позовет. Я оставила у него свои очки. Он человек внимательный, обязательно вернет. А раз моего номера телефона у него нет, ему придется прийти сюда. И тогда он меня пригласит, а если не осмелится, я ему помогу.

Маша посмотрела на Леру с материнской нежностью, она испытывала к этой вечной мечтательнице самые теплые чувства и старалась поддерживать в любой ситуации.

— Постой Лера, давай по порядку. У вас с этим Феликсом… что-то было?

Лера поставила чашку и уже собралась уходить, но тень, мелькнувшая на ее лице, не ускользнула от зоркого взгляда подруги.

— Нет. Нам было по шестнадцать. И все, что было… ох, это было такое нелепое время. Лучше и не вспоминать.

И в том, как она отвела глаза, как пальцы ее на миг сжали край стола, как голос сорвался на полуслове, во всем этом читалось обратное. Она уже не просто вспоминала, она заново переживала ту эпоху, с ее дурацкими песнями, с первыми сигаретами, с личным дневником, спрятанным под вещами в шкафу и с тем глупым спором, воспоминании о котором она уже много лет старалась стереть из памяти.

***

Феликс нашел Лерины очки на рассвете, собираясь на работу. Низкая банкетка в прихожей скрипнула под его весом, когда он наклонялся, чтобы надеть ботинки. Что-то соскользнуло и упало на пол с мягким стуком. Это был футляр из кожи рептилии, холодный и чуть шершавый на ощупь. Он поднял его и издал короткий, безрадостный звук, нечто среднее между вздохом и усмешкой.

— Ах, Валерия… — пробормотал он в тишину прихожей. — И почему я ничуть не удивлен, что вы умудрились потерять такую важную вещь, как очки.

Большим пальцем он разомкнул створки на слабом магнитном замке. Вложенная в бархатную нишу оправа вспыхнули ярким, дерзким цветом.

— Красные, — произнес он вслух, и углы его губ сами собой потянулись вверх. — Логично. Конечно, красные. Иными они и быть не могли.

Он захлопнул футляр, сунул его в сумку, будто пряча улику, и вышел из дома. Вопрос о том, что делать с этой находкой, повис в воздухе, неразрешенный. Направляясь к троллейбусной остановке, он не отдавал себе отчета в той странной, застывшей улыбке, что не сходила с его губ.

Дело, разумеется, было не в одних очках. У него уже хранился один Лерин трофей, тоже алого цвета. Тот клочок красного шёлка с кружевами и крючочками, поблёкший за полтора десятка лет. Но если рука, роясь в ящике прикроватной тумбочки, вдруг натыкалась на него, Феликса накрывало с головой, даже не воспоминание, а плотная, удушающая волна стыда, того самого смятения, от которого и сейчас кровь приливала к лицу.

Щёки его пылали, будто он снова стоял у доски в том злополучном классе. Мысли, против воли, переносили его на четырнадцать лет назад, на урок анатомии в «Артеке». В ушах снова зазвенел гулкий, предательский смех одноклассников. Он стоял, уставившись в окно, но видел лишь расплывчатые пятна света, сознание отчаянно цеплялось за этот спасительный туман.

Было нестерпимо, унизительно стыдно. Каждая клетка тела требовала бежать, вырваться из душного класса, исчезнуть. Но он был уже не ребёнком, а почти мужчиной, разве мог он повести себя как мальчишка? А ещё, и это было самое горькое, он знал, что там, на задней парте, сидит Лера. И сейчас торжествует, уверенная, что она выиграла спор.

Он не сдался. Выстоял под этим градом взглядов и смешков до самого звонка. И когда голоса наконец стихли, а класс опустел, он украдкой, быстрым движением сунул в карман брюк две эти красноречивые вещицы. Потом отправился на алгебру, и ноги отяжелели, будто в кармане лежал не лёгкий шёлк, а увесистый камень. Мысли путались, но сквозь этот сумбур уже проступал чёткий, холодный контур плана. Не мести. Нет. А гарантии того, что последнее слово в их споре останется за ним.

— Эй, ты куда прешь? — грубый окрик и толчок в плечо рюкзаком вырвали Феликса из прошлого, резко швырнув в настоящее утро на тротуаре, где ему не шестнадцать, а уже тридцать лет.

— Извините, — пробормотал он почти беззвучно и, ускорив шаг, свернул к парадной номер три. Он вдруг вспомнил, что по дороге на работу ему нужно еще зайти к Афанасьеву.

Афанасьев жил в плену у собственной квартиры. Прикованный к инвалидному креслу уже несколько лет, он почти не появлялся на улице. Узкая парадная, крутые ступеньки стали для него непреодолимой преградой. Его мир ограничивался комнатой и окном, выходящим на серый тротуар. Однажды летним днём, распахнув створку, он окликнул прохожего и, протянув смятую купюру, попросил купить свежего хлеба. «Сдачи не надо», — добавил он глуховатым голосом.

Этим прохожим оказался Феликс. Он почему-то страшно растрогался, но не с жалостью, а чем-то иным, острым и неожиданным. Хлеб он купил, но, вернувшись, не решился переступить порог квартиры незнакомца. Подвесил пакет на старый, облупленный крючок для сумок у двери и ушёл.

На следующий день Афанасьев ждал его у окна. Долго благодарил, кивая головой с небритым морщинистым лицом, а потом сказал, почти таинственно: «На том крючке… я для вас, кое-что оставил. Возьмите, пожалуйста».

Феликс, уже внутренне сопротивляясь этой внезапной связи, снова поднялся в парадную. В пакете на крючке оказалась маленькая, тёплая на ощупь старинная нэцкэ тонкой работы, и короткое письмо.

Афанасьев, как выяснилось, уже знал Феликса. Он видел его в телевизионном репортаже о музее, поскольку и сам увлекался древним Востоком. А через пару месяцев Афанасьев стал замечать Феликса и за окном, в одном и том же месте, на троллейбусной остановке напротив его дома. Знакомая фигура, появлялась там с завидной регулярностью, и Афанасьев невольно ждал её каждое утро.

Так началась их странная дружба. Феликс, всегда сторонящийся чужих страданий, они навевали на него тягостное, липкое чувство беспомощности, в квартиру так и не заходил. Их общение сводилось к тихому ритуалу с записками. По утрам, направляясь на работу, Феликс

вешал на тот же крючок пакет с половинкой ещё тёплого, только что испеченного им хлеба. Забирал же аккуратно сложенный листок — наблюдения Афанасьева за погодой, голубями на карнизе, редкими прохожими или скромные воспоминания его молодости. Никаких просьб, жалоб, призывов к состраданию. Это молчаливое достоинство трогало Феликса больше, чем любая жалоба.

Иногда, в летние вечера, он замедлял шаг у знакомого окна. Стучал легонько по раме. За занавеской шевелилась тень, появлялось небритое, заспанное лицо, и беззубый рот расплывался в медленной, светящейся улыбке. И у Феликса на душе становилось тепло и тихо. Они перебрасывались парой ничего не значащих фраз о духоте или прошедшем дожде, и в этой краткой бессмыслице была вся суть их тихой, бережной привязанности.

Сегодня, отдав Афанасьеву хлеб и сунув в карман его записку, Феликс появился в музей раньше обычного. В утренней тишине залы новой выставки казались иными, они словно замерли в ожидании посетителей. Феликс неспешно прошел по ним, поправил тяжелое кресло, обтянутое редким, капризным шелком, отодвинув его из опасной близости к солнечному лучу, уже пробивавшемуся сквозь высокое окно. Этот жест был автоматическим, профессиональным, будто он отводил от хрупкой вечности саму возможность увядания.

В своем кабинете, где тяжелые шторы гасили свет, а дубовые полки ломились от фолиантов, его ждал творческий хаос. Стол был завален папками, казенной корреспонденцией в плотных конвертах и в стороне от всего ветхие, в шелковом переплете, мемуары японской принцессы XVI века по имени Таэко. История их попадания в Россию была запутана и чудесна, и теперь ему предстояло понять главное: дышит ли за строками подлинная жизнь или эти мемуары искусная подделка.

Он надел перчатки, бережно взял первый лист. Бумага, тонкая и хрупкая, как крыло мотылька, шелестнула под пальцами. И произошло чудо, знакомое каждому, кто погружался в старинные тексты. Суетный водоворот мыслей, о Лере, о ее алых очках, безмолвно покоившихся в его потрепанной кожаной сумке, о мучительной догадке, узнала ли она его вчера или нет, начал стихать. Постепенно, словно отлив, он отхлынул, оставив на берегу сознания лишь четкие знаки чужого, давнего почерка. Здесь, в тишине столетий, его собственная история на мгновение перестала иметь вес. И это было спасением:

«Когда отец, вернувшись из дворца, с вечерней прохладой принес в дом тревожную весть, моя тринадцатая весна по лунному календарю только вступила в свои права. Он снял форменную каригину темно-индигового цвета, пахнущую дворцовым сандалом, и, развязав тяжелый пояс-оби с нефритовыми подвесками, сообщил матери, склонившейся над шелковой вышивкой:

— Государь задумал женить старшего сына. А так как я сдал экзамены с наивысшими знаками отличия, нам оказали честь — наша дочь, наша красавица Таэко приглашена на официальные смотрины.

Моя мама, женщина в расцвете сил, чья красота угадывалась сквозь смиренную простоту её серо-голубого кимоно, медленно подняла взгляд. Глаза её, обычно ясные, помутнели от мгновенно нахлынувшей думы. Она заговорила спокойно, но очень тихо.

— Новость эта… подобна цветку уммэ: аромат её радостен, а сердцевина горчит.

— О какой горечи ты говоришь? — удивился отец, наконец освободившись от стягивающего грудь пояса и положив его на лаковую подставку.

— Честь безмерна, это так, — все так же тихо отвечала мама, поправляя рукав кимоно. — Но, если взгляд принца падет на нашу журавушку, улетит она от гнезда за высокие стены, и только крики диких гусей будут доносить до нас вести о ней.

Я узнала о своей участи лишь за день до церемонии. Мама, с лицом, сохранявшим спокойную умудренность, открыла черную лаковую кобитоэ (маленькая шкатулка) с фамильным гербом. Оттуда, будто луч заката, вспыхнула алая шелковая повязка для волос. Искусная вышивка золотыми и серебряными нитями изображала пару мандариновых уток, символ вечного супружества.

— Возьми, дочь моя. Пусть тетя вложит её в твою прическу. Это единственная драгоценность нашего рода, я хранила ее для тебя, — мама протянула сверкающую ленту, и её голос стал громче и твёрже. — Скромность — лучший наряд для невесты. Помни об этом.

Затем она наклонилась так близко, что тонкий аромат сухих слив, исходивший от её одежд, смешался с дыханием. Шёпот её был едва слышен, но жгуч, как уголь:

— В глубине сердца я молюсь, чтобы выбор миновал тебя, милая Таэко. Отец теперь советник, положение наше упрочится. И мы сможем жить здесь, в любви и простоте, как мечтали всегда.

Легко, как касание ветра, она провела ладонью по гладким, уложенным в простую девичью причёску моим волосам и мягко подтолкнула к занавешенному входу в соседнюю комнату, где уже ждала служанка с гребешками и рисовой пудрой.

Первая церемония смотрин в дворцовых покоях прошла куда менее торжественно, чем я себе представляла. Оказавшись среди девушек в сияющих многослойных кимоно, расшитых журавлями и хризантемами, мой собственный наряд, скромное, тускло-голубое кимоно из простого хлопка с мелким бегущим узором, выглядел столь невзрачно, что распорядитель бесшумно поставил меня последней у самого выхода. Он был уверен, что я не подхожу принцу. Когда советники, одетые в темные каригину с фамильными гербами, в сопровождении трех женщин в изысканных дзюнихитоэ (многослойное придворное одеяние) в последний раз скользнули взглядами по шеренге невест, я первой выскользнула на внутренний двор, где велено было ждать отца.

Там, в тени высокой сосны, я заметила мальчика. Волосы его были черны, как вороново крыло, и отливали синевой под солнцем, а лицо казалось непривычно бледным, будто он редко выходил из-за темных ширм. Он спускался с дерева, ловко цепляясь за кору, и, достигнув земли, стал разглядывать ладони, исцарапанные в кровь.

Я хотела укрыться, но вернуться в зал уже не смела, и пока раздумывала что делать, юноша окликнул меня. Голос его звучал непринужденно, без придворной скованности.

— Девочка, ты сопровождаешь свою госпожу? — спросил он, окинув взглядом мое простое кимоно и скромную прическу, украшенную лишь алой лентой.

— Нет, я приехала с отцом. С сегодняшнего дня он служит здесь советником, — ответила я без тени заискивания и, сделав несколько легких шагов, оказалась рядом.

Мальчик теперь казался мне намного старше. Не только годами, но и какой-то внутренней умудренностью. Его скорее можно было назвать юношей. Я тут же достала из-за пояса чирогину (небольшой льняной платок) и протянула ему. — Вот, оботрите руки. Зачем же лезть на сосну? Она ведь колючая.

— Хотел посмотреть на девушек, которых привезли на смотрины, — признался он, принимая платок. — Несправедливо, что мне выбирают невесту, а сам я даже не вижу, кто эти претендентки.

Тут я поняла, кто передо мной. Сразу выпрямила спину, мягко сложила руки перед грудью и совершила глубокий, почтительный поклон — сайсэйрэй, какой полагается при встрече с особами императорской крови. Но юноша лишь махнул рукой, нарушая весь этикет.

— Оставь, не стоит церемоний. Лучше скажи, эти девушки красивые? Ты же их видела.

— Смотреть было неприлично, — я отвечала, чуть опустив глаза, — но мне показалось, все они прекрасны, как цветы в утренней росе.

Принц довольно улыбнулся, и в его взгляде мелькнула живость, которую редко встретишь за дворцовыми стенами.

— На следующий отбор меня точно пригласят. Знаешь, сегодня мне приснился дракон. Смирный такой, почти ручной. И держал он во рту ленту, алую, точь-в-точь как твоя. Протянул мне её и растворился в тумане… Странный сон, правда?

— Хороший сон, — я говорила уверенно, поскольку считала свои слова правдой. И прежде, чем разум успел остановить меня, ловким движением вынула из волос ту самую алую шелковую ленту, расшитую золотыми утками. — Возьмите. На удачу.

Я протянула ленту, и на мгновение наши пальцы соприкоснулись. Затем, заметив у ворот фигуру отца, стремительно развернулась и побежала прочь, не оглядываясь, чувствуя, как сердце стучит в такт моим легким шагам по утоптанной земле.»

Феликс отложил лист, снял перчатки, долго сидел, глядя в окно, где за шторой угадывался серый питерский день. Потом достал из сумки футляр с алыми очками и положил его рядом с рукописью.

Красное к красному.

Глава 3

Лерина квартира была крошечной. Настолько крошечной, что она не сразу поняла, как здесь вообще можно жить вдвоем. Они с Машей, подругой и по совместительству коллегой, снимали эту клетушку уже полгода, но Лера так и не привыкла к окну под потолком. Оно выходило в серый, вечно мокрый питерский двор-колодец, и единственный луч света просачивался внутрь только в час дня, да и то через грязное стекло.

На кухонном подоконнике, покрытом слоем пыли, которую никто никогда не вытирал, чах столетник. Когда-то его подарила бабушка соседка, но сейчас растение выглядело жалко: скукоженное и кривое. Его некогда мясистые листья тянулись к свету с такой отчаянной, почти человеческой настойчивостью, что Лере становилось не по себе, от его упрямого желания выжить.

Она сидела перед зеркалом в строгой деревянной раме и с любопытством, лишенным восторга, наблюдала, как ее лицо постепенно перестает быть ее лицом, превращаясь в маску гейши.

Лера делала это из чистейшей, как сама себе определяла, необходимости. Но на самом деле, где-то глубоко в душе отмечала, что старается для Феликса. Она желала, чтобы он оценил ее усилия, может, даже похвалил. Зачем-то ей хотелось ему нравиться. Этому полному, замкнутому парню с редкими волосами и пухлыми короткими пальцами, которыми он вчера неумело помог ей застегнуть серьгу из своей коллекции. Даже намеревался дать ей эти серьги для сегодняшнего образа, но потом передумал, снова сложил их в ветхую кожаную коробочку и сунул за стекло витрины. Лере казалось, что эти серьги в виде нераспустившегося цветка сливы ему были намного дороже нее, может быть даже дороже любой другой девушки.

Она глубоко вздохнула и постаралась отогнать от себя эти мысли. Сейчас нужно было сосредоточиться на главном. Конечно же, она пойдет сегодня с Феликсом на церемонию «Омиаи» в клуб с претенциозным названием «Сакура в инее». И конечно же, приглашение исходило от него. Лера с такой лёгкостью все устроила, что он и не заподозрил, насколько для неё это было важно.

Феликс появился на киностудии во вторник ровно в 18:45 - на следующий день после того, как Лера «забыла» у него очки. Она тут же мысленно прикинула: работу он заканчивал в шесть, дорога общественным транспортом занимала минут сорок. Значит, никуда не заходил, ни на что не отвлекался. Он шёл напрямую к ней, и эта мысль зажгла внутри Леры тихий, торжествующий огонёк.

Когда вызванная охраной Лера вышла в холл, он уже стоял у турникетов, беспомощно скомкав в руках длинный шарф. Щёки горели румянцем на и без того красном лице, грудь тяжело вздымалась под тем самым нелепым пальто. «Волнуется, — с пронзительной ясностью подумала Лера, намеренно замедляя шаг. — Искренне волнуется. Это прекрасно. Теперь главное не спугнуть, не сказать ничего лишнего».

— Привет, — произнесла она, останавливаясь в шаге от него.

Феликс встрепенулся, и Лера впервые остро почувствовала, какой он крупный и высокий рядом с ней. Его взгляд был странно приглаженным, словно он весь день закалял себя, проигрывал в уме эту сцену и теперь боялся сделать какое-нибудь неуместное движение.

— Ты принёс мои очки, да? — спросила Лера, нарочито легко.

— Да, — односложно ответил он, сунув руку в карман.

— Вот спасибо! Я уже не знала, что и думать, — голос её звенел робкой, почти девичьей паникой. — Искала везде, а у меня, представляешь, сложные диоптрии, разные линзы. Новые

делать уйдет целая неделя, а я без них как без рук. То есть без глаз! — Она рассмеялась своей оговорке, искусно затягивая тираду, давая ему время прийти в себя.

— Я так и думал, что они вам очень нужны, — Феликс засуетился дела много ненужных движений, потом потер левую бровь и наконец протянул футляр.

Лера сделала короткий шаг вперёд, сокращая дистанцию. Её пальцы слегка коснулись его ладони, когда она брала очки.

— Ну вот, теперь я твоя должница, — проговорила она, глядя ему в глаза с наигранной виноватостью. — С меня пироженка и кофе. Самый божественный в городе, обещаю! Давай в пятницу, после работы? Очень хочу, чтобы ты все-таки его попробовал.

Феликс замялся. Он облизнул пересохшие губы, нервно стал расстёгивать пальто, будто внезапно почувствовал жар, но тут же снова застегнулся на все пуговицы.

— В пятницу… меня пригласили на одну церемонию, — выдавил он, не глядя.

Внутри у Леры всё похолодело. «Промах, не пригласил», — пронеслось панически.

— А, ну тогда ладно, — она сделала движение, чтобы развернуться, улыбка стала протокольной. — Ещё раз огромное спасибо!

— Постойте, Лера! — Он неожиданно схватил её за локоть, и его прикосновение было обжигающе тёплым. — А как вы смотрите на то, чтобы пойти… со мной? На «Омиаи». У меня пригласительный на двоих.

Лера притворно нахмурилась, делая вид, что впервые слышит это слово.

— «Омиаи»? Это что такое?

— Церемония… в японских традициях. Знакомство будущего жениха и невесты, как сватовство.

— Ой, — она скептически сморщила нос. — Звучит как-то уныло.

На лице Феликса промелькнула растерянность, уголки губ поползли вниз. Сердце Леры дрогнуло. «Слишком далеко зашла, сейчас замкнётся!»

— Хотя… а почему бы и нет? — тут же, с весёлой авантюрной ноткой, поправила она себя. — Ничего подобного я ещё не видела. Будет новое приключение!

Феликс в ответ лишь снисходительно покачал головой, но в его лице, наконец-то, вспыхнула та самая, живая искорка, которой она и ждала.

И вот она, вместо того чтобы разбирать записи с очередного экономического форума, где серьёзные мужчины в дорогих костюмах говорили о судьбах мировых рынков, замерла в полумраке своей квартиры и смотрела на отражение в зеркале, и ей казалось, что она наблюдает за кем-то посторонним. За женщиной, которая с обречённой грацией примеряет на себя чужую жизнь, готовясь к роли, полной неясных ей правил и скрытых опасностей.

Процесс оказался куда более сложным и ритуальным, чем она предполагала. Сначала, густой белый крем, ложащийся на кожу маской. Он скрывал малейшие следы усталости под глазами, легкую веснушчатость, все те мелкие приметы живого, тридцатилетнего лица. Получалась бесстрастная, фарфоровая основа, чистый лист. Лера подумала, что это весьма символично: журналист тоже должен быть чистым листом, на котором чужие слова и поступки отпечатываются без искажений. Но также, как и этот грим, профессиональная объективность была обманчива.

Потом взялась за кисточку. Тонкая, почти с волосок, она скользила по веку, оставляя идеальную стрелочку. Лера вспомнила, как училась подводить глаза в шестнадцать, получалось криво, с размазанными слезами от дыма сигареты. Теперь движения ее были точны и выверены, как у хирурга. «Вся наша жизнь — это смена масок, — философски отметила она про себя. — Только одни мы надеваем по неведению, а другие, как эта, — с полным осознанием абсурдности ситуации».

Губы пришлось подрисовывать заново, делая их маленькими и алыми, бутончиком. Ее собственные, четко очерченные и склонные к ироничной улыбке, совершенно не вписывались в канон. Этот маленький алый рот, казалось, был создан не для слов, а для молчаливой улыбки и церемонных фраз о красоте увядающей вишни.

Наконец, наступила очередь парика. Громоздкая конструкция из черных лакированных волос, от которой веяло нафталином и ушедшим временем. Она с трудом надела его, закрепила шпильками. Тяжесть на голове была не только физической; это была тяжесть традиции, которой она не понимала и которую сейчас на себя напяливала, как карнавальный костюм.

Она подняла глаза и встретилась взглядом с незнакомой в зеркале. Белое, как лунный свет, лицо, иссиня-черные волосы, уложенные в сложную архитектуру, алые губы и глаза, подведенные так, что их разрез казался совсем иным, раскосым и таинственным. Леры не осталось. Была кукла, идеальный продукт чужой культуры.

Поднявшись, она надела кимоно, тяжелое и неудобное. Мелкими, скользящими шажками, какими предписывал церемониал, вышла из комнаты. Ей предстояло провести вечер среди незнакомцев, подслушивать, наблюдать и тайком снимать на микрокамеру. Но теперь она наблюдала не только за ними, но и за самой собой. За этой тихой, загадочной гейшей с нутром журналистки Леры, которая уже придумывала, с какой именно язвительной фразы начать свою репортаж.

Феликс настаивал на том, чтобы лично заехать за ней на своём автомобиле. Он видел это уже частью церемонии. Но Лера твёрдо отказалась, сославшись на то, что не знает точно откуда поедет. Мысль промчаться по городу в такси, забившись в угол сиденья в столь эксцентричном наряде, заставляла её внутренне съёжиться. Это было нелепо, почти кощунственно. Но куда более невыносимой казалась перспектива того, что машина Феликса, наверняка чистая, с дорогой кожей салона, остановится у её облупленного подъезда.

Сокровенное желание сохранить в тайне своё пристанище перевесило. Этот обветшалый дом с потрескавшимся фасадом и двумя наглухо заколоченными окнами верхнего этажа, затерявшийся в тени заброшенного кирпичного завода, никак не вязался с тем безупречным, загадочным образом, который она стремилась создать. «Нет, — думала она, — эту часть моей жизни не должен видеть человек, на которого у меня такие грандиозные планы».

Вызвав такси, она заглянула на кухню, где готовила ужин Маша:

— Ну что, Машуль, оцени! Как тебе новоиспеченная гейша?

— Ва-ау! — вырвалось у темноглазой брюнетки восторженным шёпотом. Она бросила на стол кухонное полотенце, разводя руками в немом восхищении. — Это же чистой воды магия! Ты словно сошла со старинной гравюры… Как тебе это удалось?

— Было непросто, — призналась Лера, поправляя тугой пояс оби. — Но твои волшебные палетки с гримом, да ещё тысяча фотографий и инструкций от Феликса… И вот я перед тобой.

— А я всё равно обижена, что ты не позволила мне быть твоим гримером, — с преувеличенной обидой проговорила Маша, надув губы.

— Ладно тебе не дуйся, у меня было какое-то нездоровое желание сделать это самой, — объяснила Лера, но её мысли уже были там, на церемонии. — Скажи, как мне передвигаться в этих, каких их там зазывают - гэта? Они же высотой с тумбочку. Я уверена, что споткнусь и опозорюсь ещё до начала.

— Возьми мои старые кроссовки, — моментально нашла практичное решение Маша, уже устремляясь в прихожую. — А эти деревянные платформы обуешь прямо у входа. Вот, лови! А кроссы можешь выбросить, они все равно развалились.

К Лериному облегчению, таксист оказался немногословным, за годы работы ему, видимо, довелось повидать всякое. Он лишь бегло бросил оценивающий взгляд в зеркало заднего вида и безэмоционально бросил:

— Что, на маскарад?

Не дожидаясь ответа, запустил двигатель и тронулся с места.

Когда машина остановилась у назначенного адреса, Лера, выйдя, на мгновение замерла, осматриваясь. Убедившись, что все прибывающие дамы облачены в изысканные костюмы, она стремительно направилась к пушистому кусту у самого края тротуара. По-воровски оглянувшись, быстро сбросила кроссовки, сунула их под раскидистые ветви и, выпрямившись, засеменила к входу мелкими, неловкими шажками на высоких гэта (японские деревянные сандалии в форме скамеечки).

Феликс поджидал её в холле, делая вид, что беседует с невысоким мужчиной, чья неравномерно растущая бородка контрастировала с идеально лысой, блестящей головой. Феликс слушал рассеянно, взгляд его постоянно скользил к входной двери, и когда в ней возникла Лера, он мгновенно извинился и поспешил к ней, чтобы представить своему собеседнику.

— Ну как? Я всё правильно сделала? — отводя его в сторону и стараясь вложить в шёпот всю свою тревогу, спросила Лера.

— Безупречно, — довольно ответил Феликс, прикрыв глаза в едва уловимом кивке одобрения, и мягко, но настойчиво направил её в главный зал, где уже царила торжественная, тихо звенящая готовность.

Зал для Омиаи был оформлен со сдержанной роскошью, что говорит о деньгах, предпочитающих оставаться в тени. В нише центральной стены (токономе) красовалась лаконичная икебана, а низкие столики были расставлены с геометрической точностью. В воздухе витал запах сандала и лёгкие ноты чая маття. Гости, облачённые в тёмные, дорогие костюмы и сдержанные кимоно, переговаривались в полголоса, взвешивая друг друга взглядами.

Церемония началась с традиционного представления. Посредник, обладатель внушительной седой бороды, начал величаво зачитывать краткие досье кандидатов. Именно здесь Леру подстерегла первая неловкость. Когда её очередь представиться подошла, она, движимая нервным порывом, попыталась встать для поклона, забыв о неудобной обуви. Деревянная платформа предательски качнулась, заставив её резко схватиться за край столика, чтобы сохранить равновесие. В зале на секунду все ахнули, а потом чтобы выразить недовольство бородатый ведущий несколько раз сдержанно кашлянул.

Затем последовал обмен ритуальными чашками саке — сан-сан-кудо. Лера, помня наставления Феликса, старалась повторять движения за другими девушками. Но её пальцы, непривычные к столь церемонным жестам, дрогнули в самый ответственный момент, когда нужно было передать чашечку следующему участнику. И большая часть саке вылилась на безупречное шелковое покрытие плоской подушки, на которой она сидела, оставив заметное тёмное пятно. Лера почувствовала, как горит лицо, радуясь, что оно скрыто под большим слоем белого грима.

Кульминацией Лериного провала стал неформальный этап — мэйси, когда партнёрам позволяется непринуждённо пообщаться. Феликс, сиявший от гордости, подвёл её к семье промышленника из Осаки. Лера, стараясь быть очаровательной, пыталась поддержать беседу о японской поэзии, но от волнения перепутала заранее заготовленную цитату из Басё с хокку

более позднего автора. Старшая дама в семье лишь тонко приподняла бровь, а её сын, хотел вежливо улыбнуться, но не удержался и громко прыснул со смеху.

И тут Лера поняла, её тщательно возведённый образ гейши трещал по швам, обнажая простую девушку из обветшалого дома у краснокирпичного завода. В ней что-то надломилось. Ее тонкое, туго натянутое терпение лопнуло, не выдержав тяжести чужих взглядов и собственных промахов. Не говоря ни слова Феликсу, который в это время с кем-то тихо беседовал, она резко развернулась, сбросила с ног неудобную деревянную обувь и взяв ее в руки направилась прочь из зала в тёмный служебный коридор, куда несколько минут назад исчезли со стола ритуальные чашки для сан-сан-кудо.

Её движения было настолько стремительными, что нарушали весь медлительный ритм вечера. Она не смотрела по сторонам, не слушала возгласов официантов ей было всё равно, видят ли её кто-то из гостей и устроителей церемонии. В полумраке коридора, нос защипало от едкого моющего средства и васаби, на грубой подсобной столешнице стояли те самые фарфоровые чашечки сакадзуки.

Лера схватила первую, откинула голову и выпила остатки тёплого, обжигающего саке одним глотком. Горло мгновенно охватил огонь, но это было очищающее, ясное пламя. Не раздумывая, она осушила и вторую. Через пару секунд тяжёлое тепло разлилось по жилам, а в висках застучал дерзкий, освобождающий пульс. В голове, наконец, прояснилось, и единственной мыслью стала потребность высказаться. Она собиралась громко и ясно, без этих церемонных полутонов, выступить перед гостями.

— Ну сейчас я вам объясню в чем смысл жизни! — громко проговорила она, вытирая рукавом губы, размазывая их по лицу. — Вот черт, забыла про этот дурацкий грим. Ничего, сейчас приведу себя в порядок, — продолжала она разговаривать сама с собой и снова обув деревянные сандалии, решительно направилась по коридору в поисках дамской комнаты.

Голова гудела от стресса и алкоголя, мысли путались в лабиринтах незнакомого помещения. Доверчиво поддавшись обманчивой логике опьянения, Лера с размаху толкнула первую попавшуюся дверь, абсолютно уверенная, что за ней находится желанное убежище дамской комнаты.

То, что предстало её глазам, на мгновение вырвало её из реальности и приковало к порогу ледяным гвоздём ужаса. В центре мрачной комнаты, под давящим светом низко спущенных люстр, за столом сидели несколько человек. Они внимательно смотрели на свои руки, которые лежали на столешнице ладонями вниз, неестественно плоско, будто приклеенные. А позади, спинами к двери, застыли, как статуи, двое парней в белых перчатках, сжимая в руках что-то, чего в полумраке разглядеть было невозможно. Но совершенно четко, Лера увидела мужчину во главе стола. В его пальцах, лежал крошечный свёрток, содержимое которого он готовился поместить на чашу миниатюрных весов.

Тишину взорвал скрип открытой двери. Все головы резко повернулись к ней, в глазах мелькнула паника, а затем начался всплеск яростного движения. Ещё не успев осознать случившееся, Лера почувствовала, как ее с силой схватили и вытолкали обратно в коридор, а дверь с грохотом захлопнулась перед ее носом.

«Боже, да они же торгуют… неужели это наркота!?» — прошептала она в ладонь, судорожно прижав её ко рту. Мысли скакали, сбиваясь в панический вихрь. «Нужно убираться отсюда. Сию же секунду! Иначе влипну по уши».

Адреналин ударил в виски, заставив забыть о неудобный обуви. Лера рванулась к выходу, но тут же оступилась, подвернув ногу, тошнотворная боль резко отозвался в щиколотке. Она ахнула, едва не упав. Неподъёмная обувь снова стала проклятием. Стиснув зубы, сквозь туман в глазах она нашла-таки спасительную дверь наружу и, хромая, почти падая, побрела прочь. Она направилась к тому самому кусту, где в начале вечера, спрятала чужие, разношенные, но такие желанные кроссовки.

Темнота сгустилась, пропитывая все вокруг пронизывающим холодом. Лера, дрожа, ворошила колючие ветки куста, не чувствуя, как острые сучья царапают до крови непослушные пальцы. Секунды отчаяния показались вечностью. Наконец, с трудом расстегнув тяжелый пояс, она нащупала потайной карман, вытащила телефон и включила фонарик.

Слепящий луч выхватил из мрака не кроссовки в спутанных ветках, а испуганное лицо Феликса, застывшее прямо перед ней.

— Лера? Что случилось? — его голос прозвучал неестественно громко в ледяной тишине. — Вы… плачете? Весь грим размазан…

— Ах, какая же трагедия, — ядовито выдохнула она, кривя губы в гримасе, больше похожей на оскал, и снова наклонилась к кусту. — Бедняжка Феликс, смотри, не упади в обморок от такого потрясения. — Резким движением она оттолкнула его руку, потянувшуюся поддержать ее под локоть. — Чистоплюи… Все эти изящные поклоны, манеры… А за ширмой — грязь и мерзость. Отстань от меня!

— Вы просто замерзли. Дайте номерок, я принесу ваше пальто, — настаивал Феликс, но в его тоне слышалась уже не просто вежливость, а тревога.

— Нет у меня никакого пальто! — огрызнулась Лера и, судорожно подобрав полы кимоно, наконец взглянула на нестерпимо разболевшуюся ногу. Щиколотка распухла, превратившись в огромное багровое пятно.

— Кошмар… — Феликс растерянно сжал пальцы. — Вам срочно нужен врач. Травмпункт.

С этими словами он молниеносно сбросил с себя собственное теплое пальто и накинул на её дрожащие плечи. Тяжелая ткань, с не менее тяжелым запахом мужского парфюма, накрыла её плечи.

— Не надо мне вашего нелепого… — начала было она, но пальто, источающее остатки чужого тепла, было таким желанным, что закончить фразу не хватило сил. Она лишь глубже укуталась, не снимая его. — Врач не нужен. Я хочу умыться. Просто смыть грим с лица и всё.

— Да, конечно, умыться, — закивал он, нервно оглядываясь по сторонам и потирая ладони. А затем, не сказав больше ни слова, решительно подхватил её на руки, словно перышко. — Поедем ко мне, здесь совсем близко. Там разберемся.

Лера замерла на его руках, и последние искры возмущения угасли. В её измученном сознании с болезненной чёткостью высветилось главное: он был сильным, его руки держали её уверенно. И он был умным, не вдаваясь в пустые препирательства, он мгновенно проанализировал хаос ситуации и принял единственно верное решение. Эта властная, почти инстинктивная компетентность подкупала и завораживала, даря иллюзию безопасности.

А его нелепость, та самая учёная суетливость, что обычно раздражала: нервное потирание ладоней, бегающий взгляд, перегруженный мыслями, теперь казалась лишь деталью. Но сейчас, эта чудаковатость отошла на второй план, растворилась в тёплой, плотной ткани его пальто и в неумолимой решимости его шагов. Лера расслабилась, закрыла глаза и, наконец, перестала бороться, позволив нести себя в сторону спасительных огней его жизни.

Глава 4

В квартире Феликса всё оставалось точно таким же, как в день её последнего визита. Тот же приглушённый свет, льющийся из старинных бра, те же тёмные массивы антикварной мебели, тот же устойчивый, успокаивающий запах сандала и старых книг. Сбросив на пол тесное кимоно и невыносимо тяжелый парик, Лера стояла перед раковиной в ванной и упрямо отводила взгляд от зеркала.

Она не хотела видеть своё лицо. Это искажённое, чужое изображение с узкими щелками и чёрными разводами вместо глаз. Ей отчаянно хотелось смыть этот липкий макияж, и ощущение унизительной маскарадности, и память о том, почему она вообще на это согласилась. Мысленно она клялась себе, что больше никогда, ни при каких обстоятельствах, ни ради какого репортажа и, упаси бог, ни ради какого мужчины, она не станет примерять на себя чужую, нелепую жизнь.

В тишину врезался робкий стук.

— Лера? Вот, возьмите… халат сестры, — в щель между дверью и косяком протиснулась рука с пухловатыми, нервными пальцами. В них безвольно висел маленький лоскут из перламутрового шёлка.

— У тебя есть сестра? — вопрос вырвался у Леры сам собой, от неожиданности.

— Да… нет. То есть, не совсем сестра. Она… притворяется ею, — проговорил Феликс, и Лера в который раз мысленно развела руками, снова столкнувшись с его причудливой, не поддающейся логике реальностью.

— Что значит притворяется?

— Я, кажется, неверно выразился… В общем, неважно.

Его голос затих за дверью, будто он и сам смутился этой невнятицы. Лера вздохнула и наконец бросила взгляд на ванну. Старинную, на гнутых львиных лапах, которая так призывно стояла у окна, обещая забвение и тепло. Но это тепло нужно было еще заработать. Обернувшись в прохладный, струящийся шелк, она, прихрамывая, вышла в гостиную.

Феликс, склонившись над её щиколоткой, с сосредоточенным видом учёного, расшифровавшего древний пергамент, осмотрел припухлость. Его короткие пальцы, обычно такие неуклюжие, на этот раз двигались с осторожной точностью, обматывая сустав эластичным бинтом. Потом, не вдаваясь в лишние разговоры, он накормил её горячим, наваристым бульоном, от которого по телу разливалось блаженство, и неловко сообщил, что купил специально для неё кофе, но забыл, как его вообще варят.

Лера, укутанная в шёлк чужого халата, лишь кивала, поглядывая на тёмное окно. Оттуда доносился странный, настойчивый хруст, будто кто-то методично перетирал сухие листья. Она машинально представляла шелковичных червей, безостановочно жующих тутовые листья, и этот абсурдный образ почему-то успокаивал. Но в голове, назойливее постороннего шума, крутилась его фраза про «не совсем сестру». Эта странность, эта очередная деталь из пазла под названием «Феликс», не давала покоя.

— Везёт тебе, — нарушила она тишину, стараясь, чтобы голос прозвучал просто, без подтекста. — Иметь сестру — это здорово.

— У меня есть ещё и брат. Старший, — отозвался Феликс, сражаясь с плиткой шоколада, которую он пытался разломать прямо в фольге, словно боялся коснуться содержимого.

— Вот это да! — в голосе Леры прорвалась неподдельная, почти детская зависть. Она всегда хотела иметь старшего брата. Не абстрактно, а очень конкретно: представляла себе защиту от обидчиков, мудрые советы, заботу во время болезней, душевные разговоры и, конечно-же, секреты. — Я всегда думала, как это замечательно иметь брата или сестру. Знать, что тебя кто-то любит, просто так, без всяких условий.

Феликс тихо хмыкнул. Звук, больше похожий на короткий выдох, и поставил перед ней блюдце с неаккуратно обломанными кусками шоколада.

— Они меня не любят, — произнёс он плоским, констатирующим тоном, будто говорил о температуре за окном.

— Почему ты так решил? — Лера не могла в это поверить. В её картине мира семья была последним оплотом безопасности.

— Меня невозможно любить, — он отряхнул пальцы от крошек фольги и наконец перестал суетиться. Внезапная, непривычная неподвижность накрыла его. Он сел за стол, и на его губах появилась странная, кривая улыбка. Не весёлая, а некрасивая и усталая. — Я замкнут, нелюдим, вечно погружён в свою работу. К тому же толстый и еще, как говорят некоторые, нелепый.

Он не дал Лере опровергнуть его слова, он был убежден в своей правоте и впервые за весь вечер посмотрел на неё прямо. Долгим, изучающим, неотрывным взглядом, в котором не осталось ни капли прежней растерянности. В этом взгляде была спокойная, железная решимость.

— А теперь, — сказал он тихо, но так, что его слова повисли в воздухе единственным, что имело значение, — я хочу, чтобы вы мне рассказали. Что так напугало вас на церемонии? Что именно, вы там увидели?

Лера вмиг застыла. Весь её облик, ещё минуту назад такой мягкий, преобразился и стал пугающе острым. Она аккуратно положила недоеденный кусок шоколада обратно на блюдце, будто это была не сладость, а улика.

— Я случайно зашла не в ту дверь. Думала, это дамская комната, — голос её звучал сухо, без колебаний. Она смотрела не на Феликса, а куда-то в пространство перед собой, заново прокручивая кадры увиденного. — А там… люди. И процесс, очень похожий на продажу запрещённых веществ. Маленькие весы, крошечные свёртки в бумаге. Всё очень явно наводило на мысль о самом плохом.

Феликс нахмурился. Его пальцы непроизвольно потянулись к брови и перешли на висок, как будто он пытался физически вправить на место разбегающиеся мысли.

— Это… маловероятно, — наконец выдавил он, тщательно подбирая слова, чтобы не обидеть. — Я давно знаком с устроителями. Это сообщество ценителей, а не преступников.

Думаю, вам показалось, Лера. Возможно, атмосфера, необычная обстановка, сакэ сыграли с сознанием злую шутку.

Возмущение вспыхнуло в Лере обжигающей волной. Она готова была стукнуть рукой по столу и крикнуть: «Да я всё видела своими глазами!» Но на самом пике этого порыва её сознание уверенно надавило на внутренний тормоз. «Спокойно. Ты же всё записала. Всё. Каждое движение, каждый шёпот. Эта миниатюрная камера, спрятанная в складках кимоно, теперь не инструмент для дешёвой сенсации, а железное доказательство. Зачем сейчас убеждать этого наивного учёного? Зачем спорить? Пусть думает, что тебе привиделось. Твой козырь останется при тебе».

И эта мысль подействовала лучше любого успокоительного. Напряжение тут же спало с её плеч, лицо смягчилось, приняв маску уступчивой усталости. Она даже наклонила голову, изображая смущение. Блондинка с узким лицом и родинкой над губой, она напоминала кадр из чёрно-белого фильма. Но стоило ей заговорить, и большой подвижный рот разрушал всю загадочность, выдавая живого, взрывного человека.

— Ну… может, ты и прав, — она повела плечом, делая голос размытым и бархатистым. — Эмоции, ритуалы… Всё смешалось. Скорее всего, мне и правда привиделось.

— А вот объясни Феликс, почему девушки во время первой части церемонии всё молчали, будто у входа, воды в рот набрали? — Лера, устроившись на диване с ногами, задала вопрос так непринуждённо, словно они были давними приятелями.

— Согласно японскому мифу, нарушение ритуала при заключении брака между богами-прародителями Идзанаги и Идзанами привело к неудаче, — начал Феликс, отводя взгляд к окну, где уличные фонари делились своим теплым светом с редкими прохожими. Руки его перестали напряженно теребить край домашнего вязанного кардигана. — Суть ритуала заключалась в обходе небесного столба с разных сторон навстречу друг другу и произнесении любовных приветствий. Мужчина должен был заговорить первым. Но Идзанами нарушила ритуал и произнесла приветствие: «Поистине, прекрасный юноша!» - сказала она. Последствия нарушения оказались плачевными: первые два их ребёнка родились уродливыми. Ритуал пришлось повторить. На этот раз первым заговорил мужчина - Идзанаги, и брак стал успешным: от союза появились острова Японии и множество богов. С тех пор, считается, что во время знакомства инициатива должна исходить от мужчины. Поэтому и сегодня девушки, знакомясь с парнями, молчали, боялись навлечь беду.

Феликс умолк, погружённый в свои мысли. Лера слушала, не шелохнувшись. История легла на её душу холодным, неприятным камнем. В ней было что-то от древнего страха, от вечного ожидания наказания за смелость. И когда тишина затянулась, она скрестила руки на груди, и тихо произнесла, будто обращалась не к нему, а к самой вечности:

— Жаль, что при нашей встрече первой заговорила я.

— Вы имеете в виду нашу встречу в музее… или в «Артеке»? — Феликс произнёс это спокойным уверенным тоном, но как он не старался выглядеть невозмутимым, в конце фраза все же вздрогнул.

Вопрос ударил Леру, как обухом. Воздух словно вытиснился из лёгких. Весь мир, этот шум вечера за окном, мягкий свет лампы и её собственная небрежная поза, на мгновение распался на осколки, а затем схлопнулся вокруг этих простых слов. «Боже мой, он вспомнил меня», — пронеслось в голове. Лера замерла, не в силах пошевелиться.

— Ты… — голос сорвался, превратившись в хриплый шёпот. Она сглотнула, будто пытаясь протолкнуть ком, вставший в горле. Глаза, широко раскрытые, были полны медленно нарастающего изумления. — Ты вспомнил нашу встречу в Артеке?

— Я никогда и не забывал. Хорошее было время, — ответил Феликс, стараясь выглядеть максимально равнодушным.

— Не знаю, как насчёт времени, но наш спор был ужасен. До сих пор вспоминаю с содроганием. И всегда думаю… всегда! Ты же победил. Ты выиграл честно. Почему? Почему тогда отдал за меня свой голос?

— Я бы проголосовал за вас, даже и без этого глупого спора, — сказал Феликс, глядя мимо неё, прямо в прошлое. — Потому что настоящая победа — это не когда тебе вручают трофей, а когда ты сам решаешь, кому он достанется.

Поскольку единственной Лериной одеждой оказалось чужое кимоно, она осталась у Феликса до утра. Решили, что Маша привезёт ей вещи к началу дня, и с работы отпрашиваться не придётся. Её временным пристанищем стала необычная спальня, захламлённая до самого потолка. По грудам мебели, коробкам с книгами и игрушкам невозможно было понять, кому она раньше принадлежала — брату Феликса или его сестре.

Устроившись на узкой кровати, Лера долго металась, пытаясь поймать ускользающий сон. Но назойливые мысли, вновь и вновь возвращались к словам Феликса: «Я бы проголосовал за вас, даже без этого глупого спора». Закрыв глаза, она погрузилась в полудрему, и память сама унесла её в далёкие шестнадцать лет, на солнечный берег Чёрного моря, в «Артек».

В старших классах Лера никогда не числилась среди отличниц, зато горела в самодеятельности, и эта страсть открыла ей двери знаменитого лагеря. Там, едва освоившись, она с азартом принялась сочинять шутки для команды КВН. Однако её честолюбие простиралось дальше: ей страстно хотелось стать капитаном. До решающего голосования оставалось всего два дня, и предварительно поговорив с ребятами она поняла, что голоса разделились почти поровну между ней и Петром «тусовщиком», за которого, кажется, собиралось проголосовать всё девичье население их отряда.

Лишь один человек оставался в стороне от этих мелких страстей. Его не волновало ни то, кто возглавит команду, ни сам КВН. Звали его Феликс Строгонов. Нескладный, рослый юноша, уже отяжелевший не по годам. Он не участвовал в дебатах и не гнался за популярностью. Сидел с книгой или выжигал по дереву загадочные иероглифы, похожие на послания из мира, куда ему одному был открыт доступ. Иногда он поднимал глаза и смотрел на кипящую вокруг подготовку отсутствующим взглядом, словно наблюдал за муравейником сквозь толстое стекло.

Расположить его к себе казалось делом безнадежным. Но Лера была уверена, что сумеет завоевать его голос, этот решающий голос. Любой ценой.

После ужина, когда солнце растворилось в чернильной гуще горизонта, Лера нашла его на том самом берегу, куда ходить без вожатых было строго-настрого запрещено. Феликс шагал медленно, носок его кроссовка равнодушно подбрасывал гладкие, отполированные волнами камешки. Он наклонялся, выбирал один, замирал на мгновение, будто считывая незримый текст, и затем резко швырял его в воду, разрывая зеркальную плёнку полного штиля. Каждое попадание отдавалось в тишине глухим, одиноким всплеском.

Лера догнала его и, не говоря ни слова, влилась в его молчаливый ритм. Феликс лишь скользнул по ней бесстрастным взглядом, делая вид что ее появление не нарушило его душевного равновесия. Еще плотнее сжал губы и продолжил путь. Они бы так и шли, два островка

тишины в наступающих сумерках, если бы в его ладони не оказался камень с крошечным, идеальным отверстием.

— Ого, — выдохнула Лера, неожиданно громким голосом в этом приглушённом мире. — Вот это находка. Из такого получится отличный медальон.

Она потянулась к его руке, и палец легонько скользнул по прохладной поверхности камня, едва касаясь его кожи. Какие теплые ладони, — промелькнуло у неё в голове с нелепой отчётливостью. Она ожидала холода, как от этих каменных глаз.

Феликс дёрнулся, будто его коснулись раскалённым железом, и быстро сунул камень ей в руку.

— На, возьми, если нравится.

Неужели он думает, что мне это нужно? — пронеслось в её голове с лёгкой обидой.

— Нет уж, такие талисманы, не для девчонок. Я подумала, ты ищешь что-то подобное. Для себя.

— По-твоему, похоже, что я стану носить украшения? — он буркнул это себе под нос и ускорил шаг, даже спиной демонстрируя желание остаться в одиночестве.

Лера на мгновение сжала камень, почувствовав его тяжесть, а затем разжала пальцы. Камушек упал в воду с тихим, невыразительным «бульк». Она догнала Феликса уже через пару шагов.

— Ты такой странный. Неужели тебя вообще не удивляет, что я решила с тобой погулять?

Он остановился и наконец по-настоящему посмотрел на неё. В его взгляде не было ни любопытства, ни раздражения, а лишь усталая констатация факта.

— Нет. Меня перестали удивлять поступки людей еще лет в десять. А с тобой всё и так понятно. Ты хочешь, чтобы я проголосовал за тебя завтра.

Лера сделала шаг, затем ещё один, сократив дистанцию до нуля. Он отпрянул бы, но спина уже упиралась в ствол старой, искорёженной солёным ветром сосны. Она подняла лицо к нему, и её большие голубые глаза, в сумерках ставшие цветом тёмного озера, приковали его к месту.

— Так ты говоришь, тебя невозможно удивить? — она облизнула губы, наблюдая, как его взгляд на миг задержался на этом движении. — Тогда давай поспорим, если я завтра сумею тебя удивить, ты проголосуешь за меня. И я стану капитаном.

Внутри у Феликса всё перевернулось. Эта внезапная близость, этот прямой, незнакомый вызов. Всё это было так чуждо его упорядоченному, одинокому миру. Он чувствовал, как ладони становятся влажными, а сердце с непривычной силой бьётся где-то глубоко в груди. Она играет, ясно же, что играет, — пытался он убедить себя, но её глаза, такие близкие и еще эти яркие, словно сочные вишни, губы, мешали собрать мысли в нужную форму.

— Хорошо, — наконец выдавил он, непривычно хриплым голосом и с силой потер ладони о брюки. — Но давай усложним условие. Если я удивлю тебя больше, и ты это признаешь, то я за тебя голосовать не буду.

В его голове пронеслось: пусть это будет честно. Пусть это будет вызов мне самому.

Лерина улыбка стала шире и мягче, в ней появился азартный, даже можно сказать хищный блеск.

— Принято! — твёрдо сказала она и, звонко засмеявшись, протянула руку.

Феликс на секунду замер, глядя на её ладонь, а затем медленно, будто преодолевая невидимое сопротивление, обхватил её своей. Её рука была тёплой и живой, и это рукопожатие скрепило не просто спор, а внезапно опустившуюся между ними незримую черту, за которой всё стало возможным…

***

Дремота рассеялась, и Лера очнулась, вздрогнув от внезапной ясности. Она медленно села в постели. Глупо вспоминать тот Артек, ту девочку с её проигрышем. Тогда ей было шестнадцать — возраст, когда любое поражение имеет привкус приключения. Сейчас ситуация выглядела серьёзно, до слёз серьёзно: на кону была не игра КВН, а ее карьера, положение. «Я не могу себе позволить проиграть еще раз», — пробормотала она, приглаживая светлые непокорные волосы.

Лера осознавала, что Феликс, уж точно, больше не позовёт её в тот клуб. Она умудрилась устроить там настоящий позор. А о новой встрече он и слова не обмолвился. Лишь сказал, что уходит рано, и сухо объяснил, как захлопнуть английский замок. Больше ничего.

Что-то нужно было предпринять и немедленно. Первым порывом было пойти в его спальню, проявить инициативу. Но он вряд ли оценит, он ясно дал понять, что первый шаг должен исходить от мужчины. «Снова что-то забыть» — выглядело бы жалко и наигранно.

За стеной послышались шаги: Феликс ещё бодрствовал. А потом до неё донесся щемяще-домашний аромат свежего хлеба, и это пересилило сомнения. Лера поднялась, нужно выйти, попытать счастья.

Лера вышла в гостиную, но там было пусто. Тогда она двинулась на кухню, где на столешнице, на сетчатой подставке, покоился ещё тёплый кирпич домашнего хлеба, а рядом тихо остывала хлебопечка. «Сам печёт, — мелькнуло у неё в голове, — вот откуда его полнота». В этот момент до неё дотянулся странный, ритмичный звук работающего механизма. Но он был точно не от кухонной техники.

Она на цыпочках пошла на тревожный сосредоточенный звук. В конце тёмного коридора дверь была приоткрыта, из-под нее лилась узкая полоска света. Лера приблизилась и замерла в нерешительности, слушая. Машинку выключили. Послышался скрип выдвигаемого стула, какая-то возня, затем тяжёлое кряхтение и невнятное бормотание, снова кряхтение. Это был целый калейдоскоп звуков, за которым угадывалось человеческое усилие и раздражение. Сердце Леры забилось чаще: что он там делает? Она уже рисовала в воображении пугающие картины, а когда любопытство пересилило осторожность, она тихо приоткрыла дверь и заглянула внутрь.

Всё оказалось и проще, и одновременно сложнее её фантазий. За длинным столом, при свете настольной лампы, сидел Феликс. В его крупных руках, зажата была глиняная кукла сантиметров двадцати в высоту. Он с яростным усердием, наморщив лоб, пытался тонкой кисточкой навести ей глаза. Получалось откровенно плохо. Чёрные капли расползались в чудовищные кляксы, линии плясали. Он что-то шипел себе под нос, стирал неудачные попытки влажной тряпицей и, тяжело вздыхая, начинал снова. На столе вокруг него лежали несколько других фигурок с искажёнными, смазанными лицами. Это были маленькие отвергнутые человечки, которых в порыве досады он отшвыривал.

Лера не выдержала.

— Давай помогу, — тихо сказала она, шагнув в светлую зону лампы. — У меня большой опыт подводить глаза.

Феликс на мгновение застыл, растерянно заморгав, словно пойманный на месте преступления. Потом резко вскочил, его тело инстинктивно заслонило стол с фигурками, а жест руки застыл в воздухе. Все его действия походили на немое требование уйти. Но вдруг напряжение спало, плечи обмякли, и он, тяжело выдохнув, молча указал ей на свободный стул.

— Да художник из меня не ахти какой, — выдавил он наконец, почти шёпотом, и махнул рукой в сторону окна, будто отгоняя досаду. — Формы я научился выливать… а вот лица, эти черты… Не выходит.

Лера не сразу смогла оторвать взгляд от него. Но когда она опустила глаза на пол под окном, дыхание перехватило. У радиатора отопления, в правильных, как по линейке, шеренгах стояли глиняные солдаты, вытянувшись в струнку. Их было не меньше сотни. Безликая армия светло-кирпичного оттенка, уродливая в своей незавершённости.

— Что это? — вырвалось у Леры прежде, чем она успела подумать.

— Это моя терракотовая армия, — и лицо Феликса внезапно озарилось такой тёплой, сокровенной гордостью, что Лера невольно улыбнулась.

— Какая армия?

— Терракотовая. Вы не слышали? — Он оживился, забыв о смущении. — Её обнаружили крестьяне 29 марта 1974 года, копали колодец в полутора километрах к востоку от кургана императора Цинь…

Лера лишь покачала головой.

— Простите, я не с того начал, — он провёл ладонью по лицу, собирая мысли. — Статуи были захоронены в конце третьего века до нашей эры вместе с первым императором Цинь Шихуанди. Они должны были сопровождать его после смерти, охранять власть в мире ином. Глиняное войско покоилось в боевом строю, в параллельных склепах…

Он говорил с жаром фанатика, глаза горели. Забыв и о времени, и о Лере, и о своих неумелых кистях, он сыпал датами, деталями, именами. А она в это время уже нарисовала последнюю тонкую линию на лице первого воина.

— Вот, — тихо сказала она, ставя фигурку перед Феликсом. — Получился вполне мужественный. Я помогу тебе с лицами. Только, пожалуйста, перестань называть меня на «вы». Думаю, я теперь знаю о тебе больше, чего кто-либо другой. Правда?

Феликс устало откинулся на спинку стула. Вздох его был тяжёлым и громким.

— Вы… ты права. Ты многое узнала еще в Артеке, но я не могу вот так, сходу… Мне нужно время.

Лера лишь снисходительно покачала головой, а он, спохватившись, добавил:

— Вы так искусно расписали лицо… Я был бы очень признателен за помощь. Но чтобы помогать, вам нужно понять, что это за армия. В тех склепах было найдено больше восьми тысяч воинов, и у каждого, своё лицо. Приходите завтра ко мне в музей, если будет время. Я покажу вам документы, фотографии… А сейчас, — он как обычно потер свою левую бровь, — сейчас нам обоим нужно поспать.

Глава 5

Закончив утреннюю тренировку, Стас Строгонов, усталый, но довольный собой, неторопливо поднялся из чаши бассейна. Он бросил взгляд на остановившийся циферблат секундомера, снял резиновую шапочку и, проведя рукой по влажным волосам, поправил непослушную прядь. «Я ещё поборюсь», — промелькнуло в голове. И сразу же, как будто в подтверждение этой мысли, он вспомнил Энтони Эрвина, выигравшего олимпийское золото на пятидесяти метрах вольным стилем в тридцать пять лет.

Стасу еще не исполнилась тридцати пяти, но он отдавал себе ясный отчёт, что для пловца это уже солидный возраст. Впрочем, сколько ни уговаривали его друзья и родные оставить спорт и заняться чем-нибудь более разумным, он продолжал готовиться к международным соревнованиям. Возможно, это было упрямство, а может, та особая спортивная логика, которая сильнее всяких доводов рассудка.

Он не стал вытираться полотенцем, уверенный, что тело, поблёскивая каплями воды, выглядит куда эффектнее. Слегка расправив плечи и надменно окинув взглядом пространство, направился к трибунам, где теснилось немногочисленное общество: компания молодых мам, сопровождавших своих детей на занятия, и пара тренеров, корпевших над какими-то бумагами.

Позволив себе немного покрасоваться, Стас ловко подхватил спортивную сумку и бодрой, пружинящей походкой двинулся в сторону раздевалки. По пути он мельком взглянул на экран телефона, где алели пять пропущенных вызовов, все от сестры.

Он медлил с ответным звонком, зная прекрасно: сестра не стала бы звонить без причины, уж тем более пять раз подряд. Они не были близки. Десять лет разницы в возрасте, да еще пропасть жизненных интересов. Она — стоматолог с тугим пучком волос на затылке и записью на несколько месяцев вперед, он — спортсмен, красивый мужчина, любимец женщин.

Но была у них одна общая тема, неудобная, как невысказанный упрёк: недвижимость, оставшаяся от родителей и что куда важное, матушкина подвеска с бесценным бриллиантом, некогда подаренная женою японского посла. И все это по завещанию перешло младшему брату. Причину, такой воли отца знала только семья, но хранили ее в глубочайшей тайне.

По дороге домой Стас свернул на набережную Обводного канала. Облокотился о холодные чугунные перила, и устремил взгляд на темную, почти черную воду внизу. Она так разительно отличалась от стерильной, искусственной голубизны бассейна, где он проводил столько часов. Но в этой воде чувствовалась мощь, сила чего-то настоящего и глубокого. Стаса с детства притягивала именно эта неукрощенная сущность словно душа его не могла удержаться в рамках, может быть ему стоило соревноваться на открытой воде.

Металл под ладонями медленно нагревался от тепла рук, а Стас стоял, собираясь с мыслями перед предстоящим разговором с сестрой и вспоминал их последнюю встречу. Тот вечер, когда он назвал её Новогодний праздник скучным и казённым, а её подруг — синими чулками. Сестра обиделась до глубины души. И теперь лишь шум воды отвечал ему на невысказанный вопрос. Вопрос, в котором не было раскаяния, а лишь удивление той пропасти, что может разделять даже родную кровь.

— Алло, Жанна. Звонила? Я на тренировке был.

— Станислав, доброе утро, — в трубке прозвучал ровный стальной голос. — Спасибо, что перезвонил. Я ценю твоё время.

— Ладно, опустим реверансы. Я устал, хочу есть. К делу. Что случилось?

— Разумеется. Зачем тратить слова на сестру, когда куда важнее утолить первичные инстинкты, — её голос оставался вежливо-бесстрастным, как на приеме в клинике.

— Всё, давай, до свиданья, — огрызнулся Стас, раздражаясь ее чопорностью и уже отнял телефон от уха, как она, не повышая тона, произнесла:

— Феликс отличился.

— Чего? — Стас инстинктивно вернул трубку.

— Он завёл отношения. И не с какой-нибудь скромницей, а с журналисткой со скандального телеканала. Особа, как я понимаю, совершенно беспринципная, без роду-племени.

— Да ну, брось! — фыркнул Стас. Он считал саму мысль, что его замкнутый брат может общаться с тележурналисткой, бессмыслицей. — Жанна, вдумайся, ну кому нужен наш тюлень.

— Он то может и не нужен, а вот наша квартира и дом на берегу залива ей не помешают.

— Ты что за ним следишь? — все еще не веря своим ушам, спросил Стас, передергивая плечами.

— Нет, что ты, — отрезала сестра, в её голосе зазвучала оскорблённая гордость. — Следить, это для дворников. Я же собираю информацию и делаю выводы, — парировала она.

— И что там тебе донесли, давай выкладывай. — Стас представил сестру, сидящую в своем кабинете аккуратном, почти стерильном. На полках ровными рядами инструменты, на столе, строго по линейке лежат бумаги. Он знал, что она в этот момент сложила пальцы «домиком» и поджала губы.

А Жанна намеренно сделала паузу, потом начала говорить медленно, чётко, будто зачитывала медицинское заключение:

— Он водит ее домой, был с ней в своем японском клубе, а сегодня и вовсе, она осталась у него на ночь. Все зашло слишком далеко, думаю нам стоит вмешаться.

— Да, ты любишь вмешивать в чужую жизнь, — произнес Стас с горечью в голосе, вспоминая как сестра пыталась женить его на своей подруге и даже рассорилась с ним, когда он отказался.

— Не время растрачиваться на старые обиды, — ответила она, не меняя тона. — В понедельник в музее выходной. Следовательно, с вечера воскресенья он отправится за город, в наше родовое гнездо. Мы должны его навестить. Вместе. Это будет… внеплановый семейный обед.

В то время, когда Стас со своей сестрой вершили суд над Лериным моральным обликом, сама Лера находилась в полумраке телестудии. Рядом, кряхтя, возился Семеныч. Её оператор и её опора.

«Он сегодня совсем разбит, — с сочувствием подумала Лера, наблюдая, как оператор осторожно, будто боясь рассыпаться на части, опускается в кресло. В последнее время он всё чаще говорил о новых цифровых системах, о молодых ребятах, которые «щёлкают эти ваши файлы как орехи». В его словах сквозила не горькая обида, а боязнь оказаться отработанным материалом.

Но Лера твёрдо знала: его нельзя заменить. Не техническим навыком, а этой врождённой, кристальной совестливостью ценен Семеныч. На него всегда можно положиться, доверить сокровенное, а когда совсем невмоготу то и всплакнуть, прижавшись к его плечу.

— Семеныч, смотри, — она подвинула к нему ноутбук и тревожным голосом попросила. — Там, в той потайной комнате, света было кот наплакал. Можешь как-то вытянуть детали? Высветлить. Мне жизненно важно понять, что там происходило.

Семеныча, действительно, сегодня нещадно мучил радикулит. Каждое движение отдавалось тупой болью в пояснице. Он стянул с шеи шерстяной шарф, попытался укутать больное

место, и тяжко вздохнул. «Эх, старость... Совсем скоро на пенсию, а тут такая история. Подведу Лерку, и конец, заменят кем-нибудь шустрым».

Но стоило ему взглянуть на трясущееся, тёмное видео на экране, как профессиональный азарт мгновенно заглушил физическое нытьё. Боль отошла на задний план, уступив место сосредоточенности. Он забыл про шарф, отодвинул стакан с остывшим чаем и, сердито сведя свои кустистые, седые брови, уткнулся в экран. Пальцы, толстые и неловкие на вид, заскользили по клавишам и регуляторам с неожиданной точностью.

— Минутку, Валерия Сергеевна, минутку... Сейчас мы это дело поправим, — пробормотал он, выводя изображение на большой контрольный монитор.

Картинка, как из проявителя, поплыла, зашуршала цифровым шумом, и вдруг обрела резкость. Семеныч замер, а потом тихо, почти с благоговением, забормотал:

— Ах, мать честная... Дорогая вы наша, Валерия Сергеевна, вы только взгляните-ка... Это ж... Это, конечно, не вселенский заговор, согласен, но... вы только вдумайтесь, что вам удалось заснять.

Лера, затаив дыхание, впилась взглядом в экран. На нём, в тайной комнате клуба «Сакура в снегу», мужчина с крошечными, почти игрушечными весами, орудуя пинцетом, аккуратно извлекал что-то из маленьких бумажных свёртков. И клал это «что-то» на пальцы изящной даме, сидевшей напротив. А были то камешки, сияющие, холодным огнём. Сначала один, маленький. Потом второй, побольше. Дама, задумчиво и оценивающе, откидывалась на спинку стула, чтобы полюбоваться игрой света на расстоянии.

— Святые небеса! — вырвалось у Леры шепотом. Она инстинктивно прикрыла рот ладонью. — Если это бриллианты, то размеры у них, Семеныч, неприличные. Совершенно неприличные. Ты как думаешь, это... незаконно?

Семеныч медленно, с хрустом в шее, повернул к ней голову. В его мудрых, усталых глазах отражалось беспокойство.

— Не мне судить, Валерия Сергеевна, в таких деликатных делах я не смыслю, — сказал он осторожно, растягивая слова. — Но коли дело честное, законное... на кой тогда по таким задворкам прятаться, а? В нормальной конторе, при свете, под расписку. А тут... сами видите. Поди пойми, что у них за махинации.

— И что же мне теперь с этим делать? Феликс говорил, что они все там честнейшие люди. Как поступить, а Семеныч? — в голосе Леры прозвучала беспомощность. Она привыкла в сложных ситуациях опираться на его житейскую мудрость, на его внутренний компас, который, казалось, никогда не сбивался.

Семеныч вздохнул ещё глубже. «Главный-то сенсации жаждет. Огоньку. А это... это может быть просто чья-то жизнь, разбитая в щепки». Но в слух он сказал иначе, с горьковатой прямотой:

— А что делать-то? Шеф сенсации просил, громкого заявления. Ну, вот вам и материал, как по запросу. — Он снова увеличил изображение, и на экране поплыли крупным планом пальцы женщины, между которых укладывался ещё один гранёный камень ослепительной красоты.

— Нет, — твёрдо сказала Лера, качая головой. — Я не могу просто выйти с этим в эфир. Нужно сначала во всём разобраться. Может... может, показать это Феликсу? Он же...

И не успели слова окончательно слететь с её губ, как дверь в операторскую с силой распахнулась. Резкий, режущий свет из коридора ворвался в полумрак, ослепив их. В проёме, чётко вырисовываясь на свету, стояла высокая, подтянутая фигура.

— И с чем это вы, Лера, собрались разбираться? — слова главного редактора, прозвучали как треснувшее стекло от мороза: жестко и без малейшей приветливости. Комната, секунду назад наполненная лишь шёпотом вентиляторов и их сомнениями, замерла в леденящей тишине. Даже Семеныч застыл, негнущимися пальцами сжимая потертую «мышку».

«Он всё слышал. С самого порога», — мысль пронзила Леру. Она почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Не от страха, а от внезапного стыда, словно её поймали на чём-то постыдном. Она собралась с духом, заставив себя встретиться с его испытующим взглядом.

— На днях, я ходила в один японский клуб с учёным, Феликсом Строгоновым. С которым познакомилась на выставке, он меня пригласил, — начала она неестественно громко. — Там удалось кое-что... отснять. Пока неясно, что именно, материал требует проверки. Я хочу сначала во всём детально разобраться.

Редактор вошёл, и дверь мягко закрылась за ним, отсекая внешний мир. Он медленно прошёл к свободному креслу, его взгляд скользнул по большому экрану, где замерла рука с бриллиантом.

— А, Строгонов, — в его тоне сквозила снисходительная заинтересованность. — Наш светила японской цивилизации. Ну что ж, показывайте, что вы там нарыли.

Обманчиво неспешным движением редактор опустился в кресло потирая ладони и устремил взгляд на экран. Лера, сжав нервы в кулак, стала излагать свои осторожные предположения, ссылаясь на мнение Семеныча. Босс слушал, не перебивая, его лицо было каменной маской профессионала. А когда она закончила, неожиданно откинулся на спинку кресла. И его тон изменился. Ледяная официальность куда-то испарилась, сменившись интимным, заговорщицким полушёпотом.

— А знаете, Валерия, у меня рождается грандиозная идея, — начал он и азарт стратега засверкал в его темных глазах. — Не стоит мельчить, строить предположения на маленьком эпизоде. Если уж этот Феликс Строгонов вам настолько доверяет... Почему бы не снять полнометражную документалку? О нём самом. О его жизни. Вы будете его тенью. Вотрётесь в доверие, он раскроется, расскажет о личном... К концу года мы можем сделать проект уровня национальной премии. Пусть народ увидит, чем дышит наша наука. Какие страсти кипят под смиренными пиджаками учёных мужей.

В какой-то момент, поняв, к чему он клонит, Лера перестала слышать слова. Они превратились в далёкий, неприятный гул. Перед её внутренним взором поплыли другие картины. Не тёмная комната клуба «Сакура в снегу», а уютная квартира Феликса. Его растерянный взгляд, когда он признавался, что не в силах расписать лица солдатам своей терракотовой армии. Затем его пальцы, неловкие и удивительно бережные, бинтующие её опухшую лодыжку. Запах пригоревшего кофе, который он пытался для неё сварить, и его смущение в троллейбусе, когда она просила пригласить ее на чашку чая.

Лере, почему-то стало безумно жаль его. Эту странную, стремительную привязанность к нему, выросшую за неделю, вдруг перерубило мечом предательства. Он показался ей не учё-

ным, а большим, беззащитным ребёнком, доверчиво протягивающим руки к миру, который вот-вот ударит его.

— Нет, — сорвалось у неё с губ, прежде чем она успела обдумать. Она мотала головой, отгораживаясь от плана, предложенного начальником. — Так нельзя. Мы не имеем права снимать личную жизнь тайно, без разрешения. Это... это нарушение всех этических норм, да и незаконно в конце концов.

Мужчина лишь усмехнулся, словно она произнесла наивную детскую отговорку.

— А кто говорит о нарушении? Всё будет чисто. Я сейчас же распоряжусь подготовить бумагу — договор о сотрудничестве, разрешение на съёмку. А ваша задача, Валерия Сергеевна, — его голос стал сладким, — убедить вашего Феликса эти бумаги подписать. Скажите ему о высоких целях, о популяризации науки. Эти люди... они тщеславны в своей скромности. Он согласится на съемки. Я уверен он не сможет вам отказать.

Лера продолжала сопротивляться, чувствуя, как ее ноги вязнут в темном болоте несправедливости. Она твердила о поверхностности их знакомства, о том, что он всего лишь рядовой научный сотрудник, скучный материал для большого фильма. Но босс был неумолим. Его терпение, казалось, начало иссякать.

— Да что вы его так яростно защищаете, Валерия Сергеевна? — он отчеканил каждое слово. — Ваш Феликс, между прочим, кандидат наук, заведует отделом большого музея. Уже состоялся, как профессионал. А вы? Извините за прямоту. Каких высот достигли? А вы, между прочим, ровесники. Он даёт вам шанс. Шанс вырваться из серой массы, стать лицом канала, а не просто голосом за кадром. Не упустите его из-за каких-то сантиментов. Документ будет у вас через час. Изучите и действуйте.

Он поднялся, вытянул манжет рубашки из рукава пиджака, и его фигура снова приобрела безупречные начальственные очертания. Бросив последний, тяжёлый взгляд на побледневшее лицо Леры и на сгорбленную спину Семеныча, он развернулся и вышел, оставив после себя густой, тяжёлый воздух выбора, которым стало невозможно дышать.

Едва секретарь вручил Лере договор между телестудией и Феликсом Строгоновым, она, не дожидаясь конца рабочего дня, почти бегом вырвалась на улицу. Сжатые в конверте листы словно жгли пальцы. Этот документ давал согласие учёного на съёмки фильма о нём и в то же время был пропуском в мир предательства.

«Пропади все пропадом, кто же согласится, если узнает правду? — мысли путались и гнали её вперёд. — Как я смогу смотреть ему в глаза, зная, что мой босс хочет не рассказать историю, а выкопать компромат? А я… я стану его личным шпионом с бездушной камерой вместо сердца – змеей на груди».

Она шла, не видя улицы, с одной стороны босс был прав: карьера, шанс, которого может больше не быть. Феликс уже состоялся, а она всё ещё бежала по кругу в погоне за своей мечтой. С другой — доверчивый, почти детский взгляд Феликса, который она уже не могла забыть. Он видел в ней знакомую из далекого детства, единомышленника, а не охотницу за сенсацией.

Пройдя около сотни метров, Лера вдруг машинально начала обдумывать сценарный ход, вспоминая события в Артеке. «Мальчик, преодолевший свой тяжелый изъян, становиться све-

тилом науки…» — шепнула она вслух, и на мгновение её осенило профессиональное восхищение. Да, это было бы сильное начало. Но следом накатила волна отвращения к самой себе. Она резко остановилась, покачав головой. «Нет. Я же не чудовище. Использовать его боль, его доверие. Так нельзя».

Чтобы заглушить внутренний спор, Лера свернула к любимому торговому центру. Он встретил её блеском холодного мрамора и равнодушным светом, стекавшим с потолочных светильников. Витрины, похожие на большие, запылённые аквариумы, показывали немые и прекрасные сцены: манекены в изящных позах застыли в ожидании бала, которого не будет. Всё здесь было прекрасно, но сейчас почему-то, от этой красоты веяло такой безысходной печалью, что Лере захотелось поплотнее укутаться в свой вязанный кардиган.

Сегодня встреча с Феликсом в музее, он ждал её, чтобы рассказать о терракотовой армии и обсудить их дальнейшие планы. Нужно новое, элегантное платье. «Просто чтобы выглядеть достойно», — убеждала она себя, выбирая наряд. Или чтобы очаровать? Чтобы смягчить его, подготовить почву для того самого договора? Она ловила себя на этой мысли и злилась от собственной неопределённости.

— Я бы хотела примерить вот это, красное, что на манекене, — сказала она продавщице, стараясь говорить ровно, — 44 размера.

В ярком платье её отражение в зеркале казалось чужим и вызывающим, почти циничным. «Нет, не то», — прошептала, дергая застежку молнию. Она сняла его, будто сбрасывая с себя роль соблазнительницы. Остановилась на голубом из тончайшего мягкого кашемира, расклешённом от талии. «Цвет неба. Цвет доверия. Идёт к глазам», — мелькнуло в голове. Мужчины любят такой, сказал ей внутренний голос, натренированный в телебизнесе. И этот прагматичный шёпот заставил её сжаться внутри.

Так и не решив, что сказать Феликсу, уговаривать подписать или, рискуя всем, отговорить, Лера вышла из торгового центра. Договор лежал в сумке, тяжёлый, как тридцать серебряников. А она шла на встречу, разрываясь между карьерой и совестью, ещё не зная, какая часть перевесит сегодня.

Глава 6

Под вишней сижу.
Всюду — в супе и в рыбном салате
Лепестки цветов …
Басё (1644 — 1694)

Услышав в коридоре Лерины шаги, Феликс поднялся навстречу, взволнованно хлопая короткими светлыми ресницами. Губы его чуть причмокивали, будто в уме он в последний раз повторял заученную речь, выверяя каждое слово.

Отутюженный серый костюм-тройка, служивший ему верой и правдой уже лет семь, говорил о его излишней бережливости. Коротко остриженные ногти, гладко выбритое лицо, безупречно свежие манжеты — вся эта тщательная аккуратность должна была продемонстрировать Лере его надёжность, показать, что он человек порядка.

Но если приглядеться повнимательнее, то можно было заметить деревянную линейку, торчавшую у него из кармана, шнурки в туфлях разного цвета и карандаш за ухом. Во всем он был далёк от мира быстрой моды, современных трендов, так что казался просто ещё одним экспонатом музея: ухоженным, но застывшим за стеклом одинокой, упорядоченной жизни.

— Я… я вас ждал, — произнёс он, протягивая ей сразу обе руки для приветствия, голос его предательски дрожал. — Представляете, весь день думал о вашем визите. Злился на себя, что эти мысли отвлекают меня от работы, но… в душе чувствовал тепло.

Лере стало не по себе от его слов. «Он думает обо мне с теплом. А я? Я несу ему в сумке капкан, готовлюсь расставить невидимые сети. Мы живём в разных измерениях: он обитает в мире ценных, но безобидных артефактов, а я произрастаю из мира расчёта.»

— Привет, Феликс, — сухо произнесла она, вкладывая свою руку в его раскрытые ладони. Она избегала встречи взглядом, будто боялась, что он прочитает в её глазах недобрый замысел. Выдержав небольшую паузу, добавила, стараясь, чтобы голос звучал естественно: — Я видела у вас там, на первом этаже, кафе. Может, перекусим чего-нибудь? Я сегодня без обеда.

— Конечно, конечно! — обрадовался он, и лицо его осветилось мальчишеской непосредственностью. — У нас там потрясающие пирожные подают. Прямо как из детства!

— Надеюсь, ты понимаешь, что тебе нужно есть салаты, а не пирожные, — вдруг, резко и почти грубо вырвалось у Леры. И она тут же внутренне содрогнулась. Боже, зачем я это сказала? Зачем превращаюсь в эту колючую, неприятную версию себя? Может, пытаюсь оттолкнуть его, саботирую наши отношения, чтобы он сам мне отказал. Или просто… просто нервы сдают, потому что я знаю, что через полчаса положу перед ним бумаги для подписи.

Она замолчала, с трудом скрывая замешательство, в то время как Феликс лишь смущённо улыбнулся, приняв её слова за неуклюжую заботу.

И только когда веселые пузырьки «Кока-колы» защипали язык и ударили в нос резкой, знакомой сладостью, Лера наконец ощутила призрачное спокойствие. Оно позволило погрузиться в неспешный ритм беседы. Уютный столик у высокого музейного окна, накрытый крахмальной скатертью, да маленький букетик маргариток в прозрачной вазе, всё это создавало иллюзию защищённости, картинку из чужой, безмятежной жизни.

Мягкий голос Феликса, который он намеренно приглушал, стараясь не беспокоить других посетителей, убаюкивал её сознание, понемногу растворяя накопившуюся тревогу и чувство противоречия.

— На мне сегодня новое платье, — сказала Лера, неожиданно для них обоих, и отодвинулась от стола, дав платью упасть мягкими складками.

— Оно прекрасно, — улыбнулся Феликс. Он почувствовал привычную неловкость от скудости слов, поэтому прибавил чуть увереннее: — Цвет идет вам.

— Я сначала хотела красное. Но потом подумала, что оно, навеет тебе, неприятные воспоминания.

— Напротив, — возразил он твердо и тут же смутился, опустив глаза.

Воцарилось молчание. Они оба смотрели в окно, и было ясно, что каждый из них теперь видит не дождь за стеклом, а ту самую сцену в школе Артека. Тот неловкий момент в классе, когда утром после спора о том, что Лера сможет его удивить, Феликс на уроке биологии вышел к доске:

— Так, Строгонов, — сказала учительница, глядя в конспект. — Вам было поручено подготовить сообщение о грудном отделе позвоночника человека. Приступайте. Скелет за шкафом, можете выкатить, указка на столе.

Феликс, как всегда, суетился. Схватил указку, выронил несколько листов, поднял их под сдержанный смех одноклассников. Наконец, с усилием выдвинул на середину высокий макет под белой длинной салфеткой. И когда он уже собрался начать и сдернул покрывало — класс ахнул. На скелете было надето алое атласное белье, бюстгальтер и трусики, щедро украшенные кружевом.

Оглушительный взрыв смеха, ошеломленное лицо учительницы… Но Феликс не видел и не слышал ничего, кроме Леры. Он смотрел на нее, чувствуя, как жар стыда заливает его с головы до ног. Жар, сравнимый разве что с алым шелком на холодном гипсе. И сердце его билось тогда дико и беспорядочно, не только от смущения, но и от странного, тревожного восторга.

И сейчас, много лет спустя, Феликс, глядя в окно, снова ощутил тот самый беспорядок в груди. Щекочущее волнение, будто отзвук того смеха, пробежал по его коже. Он повернулся к Лере, хотел что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Вместо них было лишь это юношеское волнение, как будто все только начиналось.

Он хорошо помнил, как тогда сбежал с оставшихся уроков, как вылетел из школы и, задыхаясь, понесся на берег. Он зачем-то повернул к той сосне, под которой накануне вечером, приняв ее вызов, пожал ей руку. Он бежал, спотыкаясь о корни, падал, поднимался и

снова бежал; тучное тело предательски мешало, грудь разрывала одышка. Но Феликс не замечал этого, он судорожно старался придумать, чем ответить Лере. До конца их спора оставалось полдня, а в голове была лишь пустота, немая как выбитое стекло.

— Почему Япония? — голос Леры вырвал его из воспоминаний. — Такая далёкая, чужая цивилизация. Как ты решил посвятить себя именно ей?

Феликс с усилием собрал сознание, вернул его в настоящее. Перед ним сидела она — Лера, повзрослевшая, но неизменно прекрасная. И он не мог понять одного: как та пропасть, что разделяла их четырнадцать лет, вдруг сократилась до узкого пространства между двумя чашками кофе. В чём причина этой перемены? И он был почти уверен, что случайностью здесь и не пахло.

— Всё очень просто, — наконец ответил Феликс, похрустывая свежим листком салата. — У меня, по сути, не было выбора. Мои родители много лет работали в Японии. Я даже ходил там в начальную школу, при посольстве, конечно. Но у меня были друзья, обычные японские мальчишки.

— Ух ты, — оживилась Лера, в её сознании мгновенно щёлкнул профессиональный механизм: этот факт биографии идеально ляжет в сюжет, его надо будет подкрепить архивными фотографиями. — Должно быть, это невероятно интересный опыт.

В ответ Феликс пожал плечами и ничего не сказал. Он все еще пытался понять, для чего Лера проводит с ним время?

— А родители… они всё ещё там? — спросила Лера, уже ловя себя на мысли, что вопрос звучит как часть интервью.

Феликс опустил глаза. Его вилка на мгновение замерла, слегка пошевелив крупную темную оливку в салатнике:

— Их уже нет. Я был поздним ребёнком.

После этих слов в воздухе повисла неприятная тишина. Лера почувствовала, как внутри всё холодеет от досады и неловкости.

— Прости, я не подумала…

— Ничего страшного, — перебил он твёрдо. — Я уже смирился с утратой.

— Вы были близки? — спросила она уже осторожнее, отодвигая в сторону свою журналистскую задачу.

— Да, очень, — ответил он, и Лера впервые почувствовала в его словах густую печаль. — Их трудно заменить, они были как море…море милосердия.

Лере захотелось его поддержать. Она потянулась к его большой руке, небрежно комкавшей белую скатерть, и коснулась её кончиками пальцев, совсем легко. Но в этом движении, в этом безотчётном порыве была такая душевность, что Феликс смутился. И чтобы скрыть это неловкое чувство, он подозвал официанта и попросил счёт.

Попав в кабинет Феликса, где царил гармоничный синтез рабочего пространства и частной коллекции, Лера какое-то время молча прохаживалась, привыкая к необычному пространству. Феликс ее не торопил, дал время осмотреться. Он будто наблюдал, что именно привлечет ее внимание.

Первым ее стремлением было подойти к большим окнам, выходящих в тихий музейный сад. Затем она прошлась вдоль длинного письменного стола из тёмного дерева, заваленного каталогами и научными журналами, остановив свое внимание на аккуратно разложенных кисти и листы рисовой бумаги.

Дальше она прошла к книжному шкафу, где на полках соседствовали современные издания по искусству и небольшая личная коллекция Феликса — нэцкэ. Он думал, что она, как и все посетители, начнет расспрашивать об этих фигурках из слоновой кости, но на удивление Лера прошла к стене, где висели четыре гравюры и замерла перед ними, заведя руки за спину.

— Это эстампы укиё-э, — проговорил Феликс, подойдя ближе, так чтобы видеть изображение ее глазами.

— Укиё-э, — восторженно повторила Лера, — как это перевести?

— Картины быстротекущего «мира грёз». На этих изображены популярные актёры театра кабуки.

— Мне нравится. — Лера обернулась на него и вдруг так запросто, провела ладонью по лацкану его пиджака и закинула первый «крючок». — У тебя здесь интересно, не зря канал собирается снять фильм про ваш музей.

И чтобы не заострять внимание на этой теме, тут же стала расспрашивать о воинах Терракотовой армии, словно боялась, что пришло время рассказать ему о договоре, который краем страниц выглядывал из сумки.

— Вот смотрите, внешность воинов детализирована вплоть до причёсок, — объяснял Феликс с лёгким, почти певучим оттенок увлечённости. — Каждый элемент имеет значение.

— Ого, у них даже причёски разные! — оживилась Лера. — Мы твоим воинам тоже такие сделаем?

— Вряд ли, — мягко улыбнулся Феликс. — В то время солдаты младших рангов собирали волосы в узел, который перевязывали лентой или ремешком. Те, кто занимал положение повыше, заплетали на затылке мелкие, тугие косы. Лишиться их самостоятельно, считалось немыслимым поступком. Вам Лера, конечно, трудно будет в это поверить, но обривание головы было насильственным актом, суровым наказанием за тяжкие преступления.

Лера листала увесистую книгу с иллюстрациями раскопок терракотовой армии, и её охватило детское, чистое любопытство, на миг затмившее расчёт.

— Ой, смотри, — ткнула она в изображение, — а почему этот солдат стоит на колене? Словно делает кому-то предложение руки и сердца.

Феликс рассмеялся, но не зло, звук его смеха казался тёплым и непринуждённым. Он повернул к Лере лицо и взгляд его серых глаз показался ей лучистым и даже ласковым.

— Как вы, дорогая Лера, могли такое подумать! Он же солдат. Это один из самых узнаваемых образов — преклонивший колено воин. Он арбалетчик. Чтобы произвести точный и мощный выстрел из такого оружия, нужна была не только меткость, но и огромная устойчивость. Потому и одно его колено на земле.

— А эти вот вытянулись в струнку, — перевела она взгляд на другой ряд фигур.

— Это кавалерия. Все всадники в армии императора Цинь Шихуанди стоят в чёткой, почти церемониальной стойке. Лошадь позади них, поводья в правой руке, оружие, в левой. — Он слегка наклонился к книге, и его тень упала на страницу. — И знаете, что любопытно? Археологи не нашли ни одной фигуры, изображающей воина верхом. Вероятно, стремена ещё не были известны, и кавалерия сражалась плечом к плечу с пехотой.

Лера слушала, кивала, её трогала эта безраздельная поглощённость Феликса миром, которого больше не существует. Он говорил о глиняных солдатах так, будто они были его давними знакомыми, почти родными. Эта мысль вызывала умилительную нежность, которую она тут же старалась подавить, возвращаясь мыслями к предательской папке в своей сумке.

— Ну что ж, нам с тобой предстоит большая работа, — наконец произнесла Лера, поднимаясь из-за стола. Она двигалась легко, почти небрежно, но где-то в глубине глаз таилась тень усталости. — Столько солдат… Целая армия для одного человека. Ты действительно хочешь всех их создать?

— Мне бы хотелось, чтобы кто-то всегда был на моей стороне, — ответил Феликс, — хотя бы глиняные человечки. В этот момент он выглядел рассеянным и уязвимым.

— Понимаю, — проговорила Лера голосом, в котором зазвучала лёгкая, почти невесомая грусть. Пора было уже рассказать про договор, — подумала она. — Но как начать?

Феликс, в свою очередь, тоже ощущал неловкость. Ему казалось, что он слишком увлёк её своей мечтой, слишком настойчиво втягивал в мир древней пыли, который был дорог только ему. Ему захотелось сменить тему, найти что-то простое и живое, что-то, что принадлежало бы не прошлому, а настоящему.

— Знаете, Лера, я в воскресенье еду за город, — начал он неуверенно. Его ладони горели, он стал тереть их друг о друга. На лбу выступили мелкие капли пота. — И я подумал… то есть, я хотел… Не знаю, как вы на это посмотрите.

Лера приподняла брови. В её глазах вспыхнул знакомый, чуть насмешливый огонёк.

— На что посмотреть, Феликс? Вы же мне ровным счётом ничего не сказали.

Она поддразнивала его, наслаждаясь его смущением, как ребёнок, наблюдающий за беспомощностью взрослого. Это была её защита. Лёгкость, за которой можно было спрятать и неловкость, и холодный расчёт.

Феликс от её смеха смутился ещё больше. Он вдруг плюхнулся на стул и закрыл лицо руками, как будто пытаясь спрятаться от самого себя, от собственной неуклюжести.

— Я хочу пригласить вас за город, — проговорил он глухо, сквозь пальцы. — У меня там… там совсем другая природа. Озеро, сосны, тишина. — Он отнял руки от лица. Взгляд его неожиданно сделался серьёзным. — Только, пожалуйста, не подумайте ничего… мы не будем заниматься армией. Я просто хочу показать вам свой сад. И… коллекцию самурайских мечей.

Наступила минута тишины. Лера перестала улыбаться. Сад и мечи, — подумала она. Какое странное сочетание и такое японское. Внезапно её план, её аккуратно выстроенная «работа» показалась ей плоской и безвкусной на фоне этой изысканной идеи.

Что он на самом деле хочет ей показать? Уютный уголок природы или что-то другое? Что скрывается за этом предложением?

Лёгкая тревога, как предчувствие, витала теперь между ними. И Лера, к своему удивлению, почувствовала, как исчезает желание шутить.

Она поднялась, взяла сумку и сказала «да». Она согласилась поехать с ним почти бездумно, как будто соглашалась на чашку кофе. В голове промелькнула мысль, что покой загородного дома, отсутствие посторонних, непринуждённая обстановка — всё это могло стать идеальной ловушкой для доверия. Там, среди природы, он наверняка будет расслабленнее, там его будет проще уговорить подписать бумаги.

Попрощавшись и уже повернувшись к двери, её взгляд упал на угол стола. Чуть в стороне от аккуратных стопок книг, лежала папка. Она была ветхая, с потертыми уголками, неприметная на первый взгляд. Что-то в её невзрачности показалось интригующим. Лера приоткрыла крышку. Внутри лежали сшитые в тетрадь листы старинной бумаги, испещрённые ровными, удивительно изящными рядами иероглифов. Чернила поблекли до цвета осенней листвы, но каждая линия дышала упрямой, почти болезненной аккуратностью.

— Удивительно, — произнесла она задумчиво, не отрывая взгляда от призрачного почерка. — Такое ощущение, будто это писала женщина. Здесь есть… какая-то грация.

Феликс встрепенулся. Его лицо озарилось тихой радостью, будто он наконец-то услышал тот самый вопрос, который давно ждал.

— Вы абсолютно правы, Лера, — сказал он, бережно подвигая папку ближе к ней, как драгоценность. — Это предположительно мемуары одной японской принцессы. Очень личная, очень трогательная вещь. Каждая строчка, как шёпот сквозь века.

— Ты их переводишь? — спросила она, поднимая на него восторженный взгляд.

— Пытаюсь, — кивнул он. — Но это как собирать рассыпанные бусины. Проверяю достоверность, сверяю даты, имена… Ищу её голос в сухих хрониках того времени.

— А можешь прочитать кусочек? Хоть несколько строчек?

— Конечно! — в его восклицании прозвучал такой чистый, детский восторг, что Лере стало вдруг немного стыдно. Он быстро придвинул ей стул, устроился напротив, надел белые

хлопковые перчатки и его пальцы, осторожные и почтительные, коснулись пожелтевшей страницы. — Вот, послушайте…

И тишина кабинета наполнилась мягким звуком его голоса, начавшего медленно, с почтительной паузой перед каждым предложением, переводить слова Японской принцессы, словно старую, всеми забытую сказку:

«Вторые смотрины все же потребовали нового наряда. Мне сшили кимоно цвета неба после дождя, расшитое парящими силуэтами белых журавлей – символов тысячелетней верности. Мать недовольно качала головой, считая такой выбор слишком смелым для дочери чиновника среднего ранга. Но отец был непреклонен: «Мой ранг уже изменился, а положение и милость, оказанную нам дворцом, необходимо чтить должным видом».

Пока я, облачившись в прохладные шелка, искала свой веер с рисунком волн, отец успокаивал мать шепотом за ширмой: «Её не выберут. Среди девушек есть дочери фамилий Кудзё и Сандзё, к тому же она слишком молода для серьёзных намерений».

Во дворце всё повторилось, как в первый раз, только нас, девушек, осталось пятеро. Госпожа Рин (Рин-сама) в сопровождении старого советника с седыми, как иней, висками медленно прошла мимо, склоняясь к его уху для кратких, неразборчивых советов. Я же наблюдала за длинными узкими окнами в потолке, через которые были видны ветви той самой сосны, на которую в прошлый раз взбирался принц.

После церемонии всех отпустили. Я уже собралась было бежать во внутренний двор, но меня остановили и попросили позвать отца. Госпожа Рин завела с ним тихую, но оживлённую беседу. Отец украдкой бросал на меня тревожные взгляды и, наконец, едва заметным движением руки дал понять, что я могу удалиться.

За пределами павильона воздух был пьянящим от аромата цветущих деревьев, хотя их самих мне не было видно. Позже я узнаю этот сад с рядами слив и вишен, высаженными с математической точностью, но в тот день могла лишь вдыхать их незримое благоухание.

Внезапно лёгкое прикосновение к локтю заставило меня вздрогнуть.

— В прошлый раз я забыл спросить твоё имя, — голос принца звучал ещё приятнее, чем я помнила.

— Таэко, — ответила я и, следуя урокам этикета, опустила глаза к камням под ногами.

Принц весело рассмеялся, повторил моё имя и спросил, откуда у меня такой дорогой наряд.

— Наверное госпожа подарила?

Вместо ответа я пробормотала, что мне пора.

Но он удержал меня, мягко схватив за рукав кимоно.

— Постой, Таэко. Через три дня мой отец уезжает на юг, и дворец опустеет. Меня оставляют под надзором тётушки. Слуги обещали… вывести меня тайно, чтобы посетить юкаку — «Весёлый квартал». Сможешь туда прийти?

— Как вы можете предлагать порядочной девушке такое место? — моё возмущение было искренним. Ведь согласно Онна дайгаку («Великому учению для женщин»), даже мысль об этом квартале, бесчестье.

— Эй! Это ты как смеешь так со мной разговаривать? — он вспыхнул, но тут же, овладев собой, извинился. — Я просто хотел увидеться. Можем в другом месте.

— Меня не отпустят. Я никогда не выхожу на улицу одна.

— Я думал, только знатных девиц держат под замком, — пожал плечами принц. — Вот, возьми. Это каштаны. Ты, наверное, ещё не пробовала. Их ко двору доставляет старший советник Сайваку.

Услышав имя отца, я замерла. Не зная, что ответить, поспешно взяла протянутый шёлковый мешочек.

— Благодарю. Мне пора! — уже собравшись поклониться, я почувствовала, как его пальцы снова смыкаются на моём рукаве.

— Тогда у чайного дома «Урасэнкэ». Больше я в городе ничего не знаю. В седьмой час.

Я промолчала, разрываясь между правильным отказом и внезапным волнением. Высвободив рукав, побежала к отцу, а в спину мне донёсся его сдержанный голос:

— Я всё равно буду ждать!

И только забравшись в каго (паланкин для переноски знатных дам) и задвинув шторки я смогла успокоиться и то не сразу. Потом развязала красную тесьму и открыла мешочек, врученный мне принцам. Из него высыпалось мне в подол каштаны с плантаций моего отца и скрученная в трубочку бумага дорогой утонченной выделки. Я развернула её и прочла хокку, выведенное ровным, уверенным почерком:

Ветер с гор несёт
Аромат цветущей сливы…
Сердце поет соловьем.»

Глава 7

Феликс, стиснув руль, осторожно въезжал в полосу тумана, которая, казалось, не просто стелилась над шоссе, но и медленно сочилась в салон, наполняя его влажной прохладой. Он всматривался в его белесую пелену, стараясь держаться в колее, на заднем сиденье спала Лера. Он ловил её отражение в зеркале, иногда оборачивался, просто чтобы убедиться — это не сон. Он везёт её к себе за город. Ту самую Леру, что когда-то, много лет назад, не давала ему покоя: в мечтах, в мыслях, в юношеских снах, от которых щемит сердце даже сейчас. От этих размышлений слегка перехватывало дыхание.

Ее волосы, цвета белого песка, мягкой волной ниспадали на плечи, образуя в сумраке черного кожаного солона светящийся ореол. Все в ней было светлым пятном на темной обивке, кроме губ удивительно ярких, алых, без всякой помощи помады. Они четко проступали на матовой бледности лица. Гладкая, слегка прозрачная кожа, напоминала прохладный мрамор. А дразнящая родинка над верхней губой вырисовывалась как точка, расставленная сразу над всеми И.

Вдруг что-то темное и могучее выступило из тумана, и Феликс судорожно нажал на тормоз. Машина резко дернулась, заскрежетав по мокрому асфальту. Лера вскрикнула, схватившись пальцами за ремень безопасности, врезавшийся ей в грудь.

— Что это?

— Лось, — сухо сказал Феликс, наклоняясь к лобовому стеклу. — Глупое животное. Зачем ему понадобилось выходить сюда?

Лера потёрла пальцами глаза и расстегнула удерживающий ее ремень:
— Мы должны что-то сделать! Может, посигналить?

— Сигнал только напугает его, и он бросится под другие колеса, — голос Феликса звучал твердо, от привычной неуверенности медлительного ученного не осталось и следа. — Нужно предупредить дорожные службы. В этой мгле его размажет по шоссе первый же грузовик.

— Смотри, он уже ранен, — прошептала Лера, припав к окну. Ее лицо исказила гримаса сострадания. — Он волочит ногу. Это ужасно. Я не могу на это смотреть. Поедем, поедем, прошу.

— Мы не можем оставить его в беде, — сказал Феликс. — Сначала нужно выставить знак. Иначе нас самих собьют вместе с этим бедолагой.

Он вышел в сырой, слепящий мир. Туман осел на его кожу мельчайшей ледяной пылью. Позади, приглушенно, хлопнула дверца. Он обернулся и увидел, что Лера последовала за ним, подняв перед собой мобильный телефон. Экран холодно светился в полумраке, пока она наводила объектив на страдающее животное, которое, тяжело дыша, стояло, понурив огромную голову.

Феликс замер, уставившись на Леру. В его взгляде было не столько удивление, сколько глубокая, внезапная усталость от всего мира.

— Что вы делаете? — спросил он наконец, подняв брови.

— Снимаю, — ответила она, не отрывая взгляда от экрана. — Выложу у себя на странице. Я же журналист, ты забыл?

Он молчал, глядя, как луч света от фар выхватывает из мрака могучий бок и неестественно вывернутую конечность животного. Мысль о том, что эти муки можно превратить в цифровой контент, в сенсационный ролик для праздной толпы, показалась ему верхом цинизма. Это было хуже, чем равнодушие. Это было кощунство.

Словно отвечая на его мысли Лера сказала:

— Во мне всегда борются жалость и профессиональная жажда. У тебя такого не бывает?

Феликс пожал плечами. Ему вспомнилась одна старая, полузабытая история из юности, когда мальчишкой он увидел, как его брат снимал на кинокамеру агонию подстреленной птицы. Тогда его охватила тошнотворная волна отвращения. Прогресс, казалось, лишь дал человеческому любопытству более изощренные инструменты, не изменив его хищной, животной сути.

Он так и не нашелся, что сейчас сказать Лере, покачал головой, повернулся и пошел к багажнику за аварийным треугольником, оставив ее одну в тумане с маленькой, холодной машиной для ловли чужих страданий.

Дозвонившись в дорожную службу, он пустился в подробные затянутые объяснения. Привычка к академическим текстам лишала его краткости. Но, встретив оценивающий взгляд Леры, он вдруг осекся. Ему пришло в голову, что люди её склада мыслят проще: меньше раздумий, больше действия. И ему неожиданно захотелось попробовать так же.

Он резко оборвал себя и сказал уже другим, решительным тоном:

— Садитесь в машину, Лера. Наше присутствие здесь больше ничего не изменит.

Когда асфальт снова понесся под колёсами, а мир вернулся в свою привычную колею, Лера обратилась к нему. В её улыбке была лёгкая насмешка.

— Не ожидала от тебя такого умения решать проблемы.

Он промолчал, уставившись в туманную ленту дороги. Умение? Какое там умение. Он лишь следовал протоколу отчаяния. Позвал тех, кто может исправлять последствия, простая передача ответственности с себя на других. Но как объяснить это ей, чей взгляд был таким ясным? И он продолжил молчать.

— Я поняла. Ты рассердился, что я снимала, вместо того чтобы помогать. А что я могла сделать?

В её голосе он уловил вызов, готовность к ссоре. И он, уставший от собственной неловкости, от всей этой бессмысленной ситуации, выбрал самое простое, самое плоское объяснение.

— Нет, всё нормально. Это у вас профессиональная деформация. Ничего не поделать.

Он тут же пожалел о сказанном. Слова, вырвавшиеся будто бы для анализа, на самом деле были камнем, брошенным из тёмного угла его раздражения. Она фыркнула, губы её сложились в обиженный бантик.

— Профессиональная деформация, — повторила она тихо, как бы примеряя фразу на вкус и находя её горькой. — Знаешь, это звучит довольно грубо.

И тогда в нём включился другой, привычный механизм. Механизм исправления ошибок, сглаживания углов. Он поспешил загладить вину, засыпав её извинениями, оправданиями:

— Простите, я не то хотел сказать и вообще не хотел быть грубым, это просто размышления, — он постарался улыбнуться, — видите, тоже профессиональная привычка все подвергать анализу. Еще раз прошу прощения, пристигните, пожалуйста, ремень. Сегодня дорога сложная, туман. Но мы скоро приедем, там озеро великолепное, лес и вокруг ни души.

Он все говорил и говорил извиняющимся тоном, думая, как глупо пригласить девушку, а потом наговорить неприятного, может даже обидеть ее этим.

Он ловил себя на мучительной готовности к её гневному ультиматуму: «Всё, разворачивай. Вези меня домой». И с ужасом осознавал, что не станет даже пытаться её урезонить. Эта внутренняя капитуляция была следствием давней, разъедающей уверенности: он — человек слишком обыкновенный, чтобы претендовать на такую редкую, такую трепетную красоту.

И всё же, один раз в жизни, когда ему было шестнадцать лет, а в таком возрасте глупости считаются едва ли не обязанностью, он позволил себе бросить ей вызов. Вызов дерзкий, как ему казалось, и беспроигрышный. Вспоминая об этом сейчас, он внутренне содрогнулся. С высоты прожитых лет ему открылась подлинная, неприглядная суть того поступка: это была не смелость, а спекуляция. Спекуляция собственной трагедией, использованием увечья как козыря в глупой школьной игре.

Тот день тянулся мучительно. После уроков он отсидел на пустом берегу, дожидаясь, когда в столовой схлынет основная толпа, и побрёл на обед, понимая тщетность всех своих идей. Лера его переиграла ещё утром, на уроке биологии, и теперь он решил просто сделать вид, что забыл о их дурацком споре.

Он шёл медленно, но, увы, обед был в самом разгаре. Как только он переступил порог столовой, шум немного стих, и несколько пар глаз обратились к нему с оживлённым, хищным интересом.

«Ну что, Феликс, — раздался чей-то голос, — готов рассказать нам строение грудного отдела? Или бюстгальтер, всё-таки, мешает, позвоночник не видно?»

Общий хохот прокатился волной. Он, не глядя ни на кого, прошёл к своему месту. И только поднёс ложку с остывающим супом ко рту, как в висок ударил плотный, скатанный из хлебного мякиша шарик. Он инстинктивно обернулся.

Лера сидела за соседним столом, поставив перед собой стакан с вишнёвым компотом. Она встретила его взгляд своим ясным, насмешливым взором. А её прекрасный, чувственный рот растянулся в ехидной улыбке.

— Ну что? — произнесла она звонко, так, чтобы слышали все. — Готов сделать ответный ход? Или признаёшь поражение?

Он открыл рот, чтобы что-то сказать. Что именно, он и сам не знал, но его опередил Петька, высокий и самоуверенный, тот, что тоже претендовавший на роль капитана команды КВН.

— Да какой у него ответный ход? — с презрительной жалостью произнёс Петька. — Он проиграл, ещё когда родился.

Словно по сигналу, в Феликса, с разных сторон, полетели хлебные пульки. Они шлёпались в суп, прилипали к рубашке, одна угодила в щёку. Внутри у него всё закипело. Кровь приливала к лицу, наполняя его унизительным, пятнистым румянцем. Пальцы дрожали так, что ложка зазвенела о край тарелки. Горло сжалось, дыхание перехватило; ему казалось, ещё мгновение, и он просто рухнет головой в тарелку, задохнётся захлебнувшись супом.

И тогда сработал какой-то слепой, животный импульс, последнее средство спасения, удар отчаяния, похожий на разряд молнии. Он вскочил так резко, что стул с грохотом упал позади. Не думая, не рассуждая, тяжёлыми шагами рванулся к её столу. Ребята замерли в недоумении. Лера смотрела на него с внезапным проблеском неуверенности.

Он остановился прямо перед ней. Всё вокруг погрузилось в гулкую тишину. Не говоря ни слова, он поднёс руку к лицу. Двумя пальцами ловко, с отвратительной практичностью, привычной как чихание, раскрыл веки и вынул из своей левой глазницы стеклянный протез глазного яблока. И с силой швырнул его прямо в её стакан с компотом.

Раздался звонкий всплеск. Липкая, красная жидкость фонтаном брызнула на Лерину белую блузку. Она вскрикнула. Негромко, скорее от ошеломления, чем от испуга, и вскочила, широко раскрыв глаза. Все застыли, поражённые. Взоры прилипли к стакану, где на вишнёвой взвеси плавал жутковатый, белый шар, с серой радужкой и черным зрачком, безжизненно уставившийся в потолок.

Тяжёлый и осязаемый шок, навис над столом. Лера пыталась что-то сказать, но лишь беззвучно пошевелила губами. Она метнула взгляд на его лицо, на эту зияющую, влажную впадину, которая теперь смотрела на неё прямо и пусто. И тут же отвела глаза, побледнев. По её лицу прошла судорога отвращения и ужаса. Она нервно прижала ладонь ко рту, подавив в себе рвотный позыв и, пошатнувшись, бросилась к выходу, расталкивая застывших одноклассников.

Феликс стоял, тяжело дыша, один в центре внезапно воцарившейся абсолютной тишины, в которой лишь тихо покачивался в стакане его выброшенный, бесстыдный секрет. Победа, если это можно было так назвать, оказалась горше любого поражения. Он выиграл сиюминутную схватку, но в тот миг, навсегда, проиграл что-то неизмеримо большее в её глазах. И, как он теперь понимал, в своих собственных тоже.

Машина свернула к дому, когда день уже растворился в сизых сумерках. Туман превратился в тот мелкий, назойливый дождик, что вечно портит причёски и настроение. Феликс вышел из машины, открыл над головой большой коричневый зонт, изрядно потертый временем, и замер на мгновение, глядя на свои владения.

Дом представлял собой добротный двухэтажный сруб, к которому, словно неудачная заплатка, была пристроена застекленная веранда с современными стеклопакетами.

Сосновый лес вокруг казался первозданным и нетронутым, но стоило пройти немного вглубь, как взгляду открывались следы старательного ухода: аккуратные рукотворные дорожки, изящные мостики, перекинутые через ручейки, сгруппированные в искусные горки мраморные камни разных размеров, перемежающиеся стелящимся хвойными растениями.

Внося Лерины вещи, Феликс кивнул в глубину прихожей, туда, где начиналась лестница.

— На втором этаже две спальни. Можете занять любую, какая больше понравится. А я тем временем разожгу угли в мангале, буду готовить шашлык.

— Ух ты, — обрадовалась Лера. — Я очень голодная.

— Честно говоря, я никогда этого не делал, — признался он, — и мясо купил уже замаринованное, в магазине. Но надеюсь, у меня получится.

Внутреннее убранство загородного дома дышало той же суховатой, основательной практичностью, что и городская квартира Феликса. Та же массивная мебель, тот же кожаный диван, та же библиотека, разве что книг было вдвое больше. Но преобладали в ней труды научные или те, что были испещрены строгими столбцами иероглифов. Главным отличием был свет: здесь он лился безраздельно, потому что не было штор, лишь простые жалюзи, теперь поднятые, позволяли внезапно появившемуся среди туч бледному закатному солнцу заглядывать в каждый угол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.